

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по научным специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), с 28.12.2018 г.; 5.2.4 – Финансы (экономические науки), с 01.02.2022 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 30. № 1.
Январь 2023 г.**

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Алексей Ведев – д-р экон. наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вячеслав Моргунов – д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Глинский – д-р экон. наук, профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Сергей Дробышевский – д-р экон. наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Анна Золотарева – канд. юрид. наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Павел Кадочников – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Александр Погорлецкий – д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Александр Радыгин – д-р экон. наук, профессор, председатель Ученого совета, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Сергей Синельников-Мурылев – д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Ирина Стародубровская – канд. экон. наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2023

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is included in the list of peer-reviewed VAK scientific publications in scientific specialties: 08.00.05 – Economics and management of national economy (by branches and spheres of activity) (economic sciences), from 28.12.2018; 5.2.4 – Finance (economic sciences), from 01.02.2022

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 30. No. 1.
January 2023**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Aleksey Vedev – Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Vyacheslav Morgunov – Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Vladimir Glinskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM-NINH)

Sergey Drobyshevsky – Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Anna Zolotareva – Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Gaidar Institute for Economic Policy

Pavel Kadochnikov – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Real Sector, Gaidar Institute for Economic Policy

Alexander Pogorletskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of World Economy, Department of Economics, St. Petersburg State University

Alexander Radygin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Scientific Council, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Gaidar Institute for Economic Policy

Sergey Sinelnikov-Murylev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Irina Starodubrovskaya – Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Development, 2023

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Валютная политика России в современных экономических условиях. Гребенкина А. М., Ляменков А. К.	4
Динамика и структура производства: адаптация к новым реалиям. Изряднова О. И., Ковалева М. А.	14
Влияние санкций на перспективы российско-американских торгово-экономических отношений. Багдасарян К. М.	22

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Оценивание неопределенности: пересмотры ВВП России на истории. Шарафутдинов А. Р.	28
Анализ влияния положительных и отрицательных шоков дохода на потребление домашних хозяйств. Петайкина А. Д.	39

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика промышленного производства в январе–октябре 2022 г. Каукин А. С., Миллер Е. М.	47
Хозяйственное обозрение (октябрь 2022 г. – январь 2023 г.). Акуционец С. П., Егоров А. С., Баширова И. А., Сержантова Т. В.	52

РЫНОК ТРУДА

Вторичная занятость работающего населения на современном рынке труда. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Покида И. А.	60
--	----

Contents

MACROECONOMICS

- Russian Exchange Rate Policy in Modern Economic Conditions.**
Grebenkina A. M., Lyamenkov A. K. 4
- Dynamics and Structure of Production: Adaptation to New Realities.**
Izryadnova O. I., Kovaleva M. A. 14
- Russian–American Trade and Economic Relations Prospects
under Impact of Sanctions.**
Bagdasaryan K. M. 22

ECONOMETRIC MODELING

- Estimation of Uncertainty: Revisions of Russian GDP on History.**
Sharafutdinov A. R. 28
- Impact of Positive and Negative Income Shocks
on Household Consumption.**
Petaykina A. D. 39

INDUSTRY

- Industrial Production Dynamics in January–October 2022.**
Kaukin A. S., Miller E. M. 47
- Survey of Current Business (October 2022 – January 2023).**
Aukutsionek S. P., Yegorov A. S., Bachirova I. A., Serzhantova T. V. 52

LABOR MARKET

- Secondary Employment of the Working Population
in the Modern Labor Market.**
Pokida A. N., Zybunovskaya N. V., Pokida I. A. 60

Макроэкономика

ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

А. М. ГРЕБЕНКИНА
А. К. ЛЯМЕНКОВ

Валютная политика в России существенно менялась в течение последних десятилетий, что проявлялось, в том числе, в объеме использования тех или иных инструментов политики в зависимости от режима валютного курса. Результаты количественного анализа показывают, что в период действия режима инфляционного таргетирования в сравнении с более ранним периодом наблюдались улучшение отклика курса рубля на ключевую ставку процента и снижение зависимости курса рубля от мирового товарного рынка. Однако макроэкономический шок конца февраля 2022 г. оказал существенное влияние как на валютную политику, так и на чувствительность валютного курса к его факторам.

В условиях несбалансированного влияния статей платежного баланса на курс рубля, действия внешних и внутренних ограничений трансграничного движения капитала, приостановки работы привычных инструментов валютной политики курс рубля стал менее интерпретируемым показателем. Тем не менее авторы полагают, что значение курса рубля как важного параметра монетарной политики сохранится на прежнем высоком уровне по мере преодоления острой фазы экономического кризиса.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: факторы валютного курса, денежно-кредитная политика, экономический кризис.

JEL: E58, F31, F32, G01.

В течение последних 30 лет в России был накоплен богатый и разнообразный опыт проведения политики валютного курса. В период 1992–2022 гг. прослеживалась либерализация режима валютного курса: от неконвертируемости национальной денежной единицы с 1992 г., узкого валютного коридора и фиксированного валютного курса в 1995–1998 гг., управления курсом в 1999–2008 гг., управления в границах все расширяющегося операционного интервала в 2009–2014 гг. и до плавающего курса начиная с 2015 г.

Ретроспективный анализ объема использования инструментов валютной политики в 1992–2022 гг. дает количественное подтверждение поэтапной либерализации режима валютного курса. (См. табл. 1.) Она выражалась в отказе от валютных интервенций (с 2015 г.), операционного интервала (с 2014 г.), аукцио-

нов РЕПО в иностранной валюте (с 2017 г.), минимизации операций валютного свопа Банка России (с 2016 г.), а также в выраженной приоритизации цели по инфляции в рамках монетарной политики. Пик этой либерализации пришелся примерно на 2017 г. Далее происходило постепенное наращивание объемов воздействия на динамику валютного курса посредством действия бюджетного правила; впервые с 2003 г. дифференциал норматива обязательных банковских резервов в иностранной и национальной валюте увеличился более чем на 2 п.п.; началось постепенное снижение финансовой открытости (увеличение числа направлений контроля трансграничного движения капитала, согласно данным индекса Chinn-Ito).

Подходы к выбору режима валютного курса менялись на протяжении современной ис-

Гребенкина Алина Михайловна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: grebenkina-at@gaпepa.ru; Ляменков Андрей Константинович, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. экон. наук (Москва), e-mail: liamenkov@yandex.ru

Таблица 1
Инструменты валютной политики в России в 1992–2022 гг. при различных режимах валютного курса

Год	Нетто-валютные интервенции, млрд долл.	Интервал изменения курса, руб.	Валютный своп, млрд долл.	Валютное РЕПО, млрд долл.	Нетто-покупка («+») валюты по бюджетному правилу, млрд долл.	Цель по инфляции, %	RR(f) – RR(d), п.п.	Норматив продажи валютной выручки, в %	Индекс Chinn-Ito (Россия)
Режим «единого плавающего» валютного курса									
1992	-1,06							40-50	
1993	-1,2							50	
1994	-3,7							50	
Режим валютного коридора и фиксированного валютного курса									
1995	9,3*	4,3-4,9					-8,5-0	50	
1996	-1,4*	4,9-5,5					-9,5-5	50	0,42
1997	-7,3*	5,62-6,22					-3,5-0,5	50	0,42
1998	-15,2	5,25-7,15					0-5	50	0,25
Режим управляемого валютного курса									
1999	6,45						0-3	75	0
2000	19,4						3	75	0,25
2001	13,8*						3	50-75	0
2002	8,1*		1				3	50	0,42
2003	44,2		1,9			10-12	3	25-50	0,42
2004	63,2		5,5			8-10	0-3	10-25	0,42
2005	80,6		0,54			7,5-8,5	0	10	0,42
2006	117,6		1,4			7-8,5	0-0,5	0-10	0,42
2007	172,7		7,6			6,5-8	0,5	0	0,42
2008	-143,3		63,8			6-7	0-0,5		0,42
Режим валютного курса, управляемого в границах операционного интервала									
2009	20,1	36,3-39,9	54,7			5-6,8	0		0,48
2010	31,7	33,5-37,4	0			9-10	0		0,54
2011	8,7	32,5-37,4	0			5-7	0		0,60
2012	7	31,9-38,4	57,7			4-5	0		0,66
2013	-24,3	32,2-39,8	326,5			5-6	0		0,72
2014	-76,1	39,7-47,1	336	22,2		5	0		0,72
Режим плавающего валютного курса									
2015	7,8		75,9	134,3		4	0		0,72
2016			2	143,4		4	0-1		0,66
2017			24,5	28,6	14,2	4	1		0,60
2018			19,3		66,4	4	1-2		0,54
2019			11,8		45,4	4	22,25		0,48
2020			2,14		-2,6	4	2,25		0,42
2021			1,2		42,2	4	2,25		н/д
2022**			0,8		14,3	4	2,25		н/д
2022						4	0-2	0-80	н/д

* – Расчетное значение на основании данных годовых отчетов Банка России.

** – До марта 2022 г.

Примечания.

1. Нетто-валютные интервенции: «+» – покупка, «-» – продажа иностранной валюты.

2. RR(f) – норматив обязательного резервирования в иностранной валюте, RR(d) – норматив обязательного резервирования в национальной валюте.

3. Индекс Chinn-Ito использован как переменная - индикатор количества направлений контроля трансграничного движения капитала.

Источник: составлено авторами по данным Банка России, Минфина России и индекса Chinn-Ito.

тории, однако валютный курс всегда оставался важным макроэкономическим показателем для России как страны – крупного экспортера, вовлеченной в международную торговлю и мировые финансовые рынки и формирующей значительную долю доходов бюджета по результатам внешнеэкономической деятельности.

К началу 2022 г. был накоплен достаточный объем статистических данных, позволяющих оценить, как поменялась чувствительность курса рубля к факторам внешнего мира и национальной денежно-кредитной политики в период инфляционного таргетирования. С этой целью авторами оценена SVAR-модель вида

$$B_0 X_t = B_1 X_{t-1} + \dots + B_p X_{t-p} + u_t; \quad \varepsilon_t = B_0^{-1} u_t, \quad (1)$$

где X_t – вектор макроэкономических переменных; B – матрица коэффициентов модели; ε_t –

вектор инноваций; u_t – вектор структурных шоков; p – количество лагов модели.

Структурная векторная авторегрессия построена на месячных данных для двух периодов действия различных режимов денежно-кредитной политики в России, а именно режима управляемого курса в границах операционного интервала и режима инфляционного таргетирования. Исследованием охвачен период с января 2009 г. по ноябрь 2014 г. и с февраля 2015 г. по декабрь 2021 г.

Исследуемые переменные включены в модель в первых разностях, используемые временные ряды являются стационарными, согласно тесту Дики-Фуллера на наличие единичного корня. Порядок лага моделей выбирался на основании результатов стандартных информационных критериев. Для показателя инфляции проведено исключение сезонности (использован фильтр X-11). Описание переменных модели представлено в табл. 2. Построен

Таблица 2
Пояснение к данным, используемым для анализа

Переменная	Пояснение и источник данных	Ожидаемый отклик
<i>NEER</i>	Индекс номинального эффективного валютного курса, пункты. Данные МВФ (IMF international financial statistics, exchange rates. URL: https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545862)	Основная исследуемая переменная
<i>Brent</i>	Мировая цена на нефть марки Brent, долл./барр. Переменная интерпретируется как фактор валютного курса со стороны мирового товарного рынка. Данные NASDAQ (URL: https://www.nasdaq.com/market-activity/commodities/bz:nmx/historical)	+
<i>CDS</i>	Спред доходностей пятилетнего кредитного дефолтного свопа (CDS) для России, пункты. Переменная интерпретируется как фактор валютного курса со стороны мирового финансового рынка. Данные терминала Bloomberg (URL: https://www.bloomberg.com/professional/)	-
<i>MIACR</i>	Среднемесячная фактическая ставка по кредитам в рублях (MIACR), в %. Переменная интерпретируется как фактор валютного курса со стороны национальной денежно-кредитной политики. Данные Банка России (URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mkr/mkr_monthes/)	+
<i>Int</i>	Объем интервенций Банка России по покупке («+», <i>Int_pok</i>) или продаже («-», <i>Int_prod</i>) иностранной валюты, млрд долл. Данные Банка России (URL: https://cbr.ru/archive/db/valint/)	«-» (покупка), «+» (продажа)
<i>Purch</i>	Объем покупки («+», <i>Purch_pok</i>) или продажи («-», <i>Purch_prod</i>) иностранной валюты Министерством финансов в рамках бюджетного правила, млрд долл. Данные Минфина России (URL: https://bit.ly/2K9K1k1)	«-» (покупка), «+» (продажа)
<i>CPI</i>	Индекс потребительских цен, пункты. Данные МВФ (Prices) (URL: https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545849)	-

Источник: составлено авторами.

ние функций импульсного отклика модели (1) осуществлено на основе упорядочивания переменных по скорости реакции на шоки (идентификация по Холецкому) в порядке от наименее эндогенных переменных к наиболее эндогенным.

Модель (1) построена для выявления откликов номинального эффективного курса рубля на выбранные факторы в период до и после перехода к режиму инфляционного таргетирования, а также выявления обратного отклика индекса потребительских цен на курс рубля.

Результаты оценивания свидетельствуют о некоторых изменениях чувствительности курса рубля к выбранным факторам в период инфляционного таргетирования. (См. табл. 3.):

1. При режиме инфляционного таргетирования наблюдается снижение продолжительности, а также величины отклика курса рубля на шок изменения мировой цены на нефть марки Brent. Это выступает аргументом в пользу снижения зависимости курса рубля от динамики цен на нефть, ожидаемого на фоне действия механизма бюджетного правила в редакции 2017 г. в этот период.

2. Наблюдается сохранение прежнего отклика курса рубля на показатель *CDS* для России: снижение индекса *NEER* на 0,7 п. при росте показателя *CDS* на 1 п. при обоих рассмотренных режимах денежно-кредитной политики. Иными словами, при режиме инфляционного таргетирования для курса рубля остаются актуальными индивидуальные для России шоки, в частности риски геополитической напряженности, «улавливаемые» показателем *CDS*.

3. Результаты расчета выявляют появление отклика курса рубля к изменению ставки процента межбанковского кредитного рынка, обусловленному динамикой ключевой ставки Центрального банка, после перехода к режиму инфляционного таргетирования. Если при режиме управляемого курса в границах операционного интервала значимое влияние ставки процента на курс рубля не выявлено, то при

режиме инфляционного таргетирования обнаруживается рост индекса *NEER* на 0,4 п. при росте ставки процента на 1 п. Полученный результат интерпретируется как улучшение качества трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и сигнала Центрального банка курса рубля.

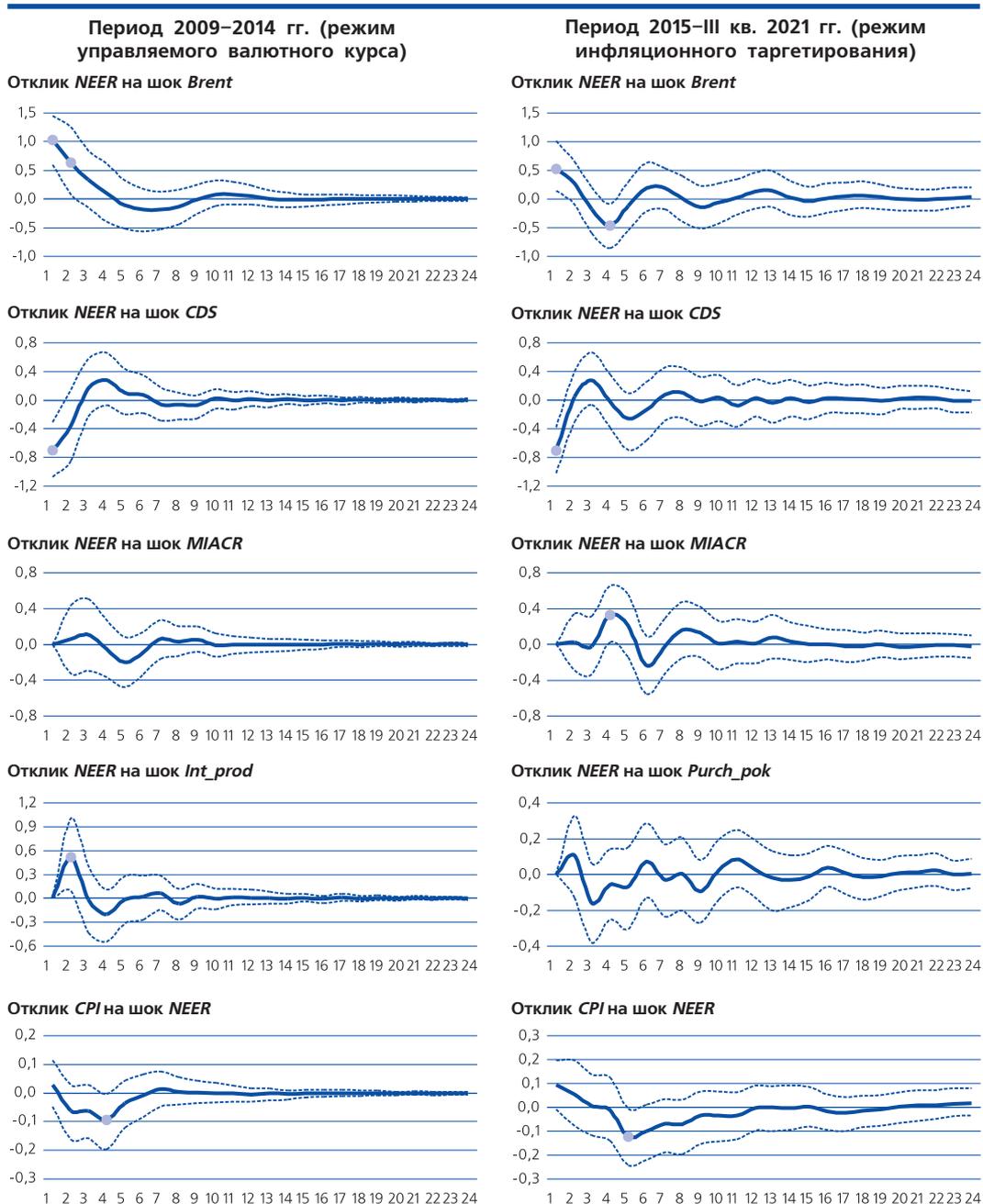
4. Представленные результаты оценивания выявляют чувствительность индекса *NEER* к валютным интервенциям ЦБ РФ по продаже иностранной валюты: продажа валюты в размере 1 млрд долл. приводила к росту *NEER* на 0,52 п. В период действия режима инфляционного таргетирования на рассматриваемом отрезке времени значимый отклик курса рубля на покупку валюты в рамках действия механизма бюджетного правила не выявлен.

5. Представленные результаты свидетельствуют о более распределенном во времени переносе валютного курса в цены (при режиме инфляционного таргетирования отклик обнаружен на 5-й месяц, тогда как при режиме управляемого курса — на 4-й месяц). Количественно эффект переноса оценен в размере 0,09–0,12 п. роста ИПЦ при снижении индекса *NEER* на 1 п. в обеих выборках. Полученный результат интерпретируется как некоторое общее снижение трансмиссии внешних шоков во внутренние цены посредством курса рубля при режиме инфляционного таргетирования.

Таким образом, в период инфляционного таргетирования органы денежно-кредитного регулирования РФ добились успехов в вопросах распределения во времени переноса валютного курса в цены, улучшения отклика курса рубля на ключевую ставку процента, снижения зависимости курса рубля от мирового товарного рынка, в том числе вследствие действия механизма бюджетного правила. Однако в конце февраля 2022 г. российская экономика столкнулась со структурным макроэкономическим шоком, который оказал существенное влияние как на политику валютного курса, так и на чувствительность валютного курса к факторам со стороны мирового то-

Таблица 3

Сравнение импульсных откликов индекса *NEER* в краткосрочном периоде до и после перехода к режиму инфляционного таргетирования

Примечание. Метод оценивания — структурная векторная авторегрессия. Оценки даны в 95%-ных доверительных интервалах. Горизонт прогнозирования импульсных откликов — 24 месяца (горизонтальная ось).

Источник: рассчитано авторами.

варного рынка, мирового финансового рынка и национальной денежно-кредитной политики:

1. Влияние факторов мирового товарного рынка на курс рубля стало менее сбалансированным (по сравнению с предшествующим периодом). Согласно данным МВФ индекс условий внешней торговли России в середине 2022 г. достиг локального максимума, сопоставимого со значениями периода благоприятной ценовой конъюнктуры на товары российского экспорта в 2008 г. (См. рис. 1.) В этих условиях в первом полугодии 2022 г. был достигнут исторический максимум показателя профицита счета текущих операций платежного баланса (146,5 млрд долл. за два первых квартала) за счет значительного роста экспорта (+41,9% – год к году) и незначительного снижения импорта товаров и услуг (-6,7%) (Банк России, 2022). В результате со стороны счета текущих операций платежного баланса было оказано выраженное повышательное давление на курс рубля.

2. Влияние факторов мирового финансового рынка на курс рубля претерпело значительные изменения в условиях введения как внутренних, так и внешних ограничений на трансграничное движение капитала. Отечественные меры коснулись заморозки средств нерезидентов, размещенных в ценных бумагах, запрета предоставления займов нерезидентам в иностранной валюте, запрета и впоследствии лимита на зачисление резидентами иностранной валюты на счета за рубежом, ограничения вывоза наличной иностранной валюты за рубеж и др. В июле 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 353-ФЗ, предусматривающий поправки в Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Часть поправок вступила в силу 14.07.2022 г. и 13.10.2022 г., некоторые изменения вступают в силу 01.01.2024 г. Изменения коснулись преимущественно совершенствования механизма осуществления валютного контроля за проведением валютных операций за счет средств бюджета. (Информация о предпринятых мерах представлена в табл. 4.)

Внешнее рестриктивное давление проявилось в ограничении операций российского Национального расчетного депозитария с зарубежными ценными бумагами, блокирующими санкциях в отношении крупнейших российских коммерческих банков, запрете на ввоз в Россию наличной иностранной валюты из «недружественных» стран и др. В марте 2022 г. крупнейшие рейтинговые агентства мира (Fitch, Moody's) понизили рейтинг России до преддефолтного и отозвали его в апреле 2022 г. Это оказало влияние на де-юре возможность иностранных компаний, в первую очередь институциональных инвесторов, в том числе из «дружественных» стран, осуществлять вложения капитала в российскую экономику.

Таким образом, в условиях как внутренних, так и внешних ограничений трансграничного движения капитала курсообразование стало зависеть преимущественно от ситуации на мировых товарных рынках и потоков по счету текущих операций платежного баланса.

3. Набор инструментов политики валютного курса также подвергся изменениям. (См. табл. 1.) Произошла приостановка действия механизма бюджетного правила, приостанов-

ка механизма бюджетного правила, приостанов-

Рис. 1. Индекс условий внешней торговли России, пунктов

Источник: составлено авторами по данным МВФ (Commodity terms of trade [6]).

ка операций «валютный своп» Банка России, в течение первой половины года дифференциал норматива обязательного банковского резервирования в рублях и иностранной валюте находился на уровне нуля. В феврале 2022 г. был установлен самый высокий норматив обязатель-

ной продажи экспортной валютной выручки, в июне 2022 г. его значение вернулось к докризисному нулю¹. В условиях действия ограничений для трансграничного движения капитала вероятно снижение индекса финансовой открытости России (Chinn-Ito) до уровня начала

Таблица 4
Меры ограничения трансграничного движения капитала, принятые в России в 2022 г.

Период действия	Мера	Источник
28.02.2022–10.03.2022	Приостановка исполнения всех поручений клиентов – иностранных юридических и физических лиц на продажу ценных бумаг	Предписание Банка России от 27.02.2022 г. № 018-38/1185 (URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403507288/)
10.03.2022–28.03.2022	Ограничение проведения операций в Реестре владельцев ценных бумаг по списанию ценных бумаг с лицевых счетов иностранных лиц или подконтрольных им лиц	Предписание Банка России от 10.03.2022 г. № 018-34-3/1570 (URL: https://base.garant.ru/403711812/)
01.03.2022–10.03.2022	Запрет на осуществление валютных операций, связанных с предоставлением иностранной валюты по договорам займа резидентами в пользу нерезидентов	Указ Президента РФ от 28.02.2022 г. № 79 (URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/67881)
	Запрет на зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета, открытые в банках за рубежом	Указ Президента РФ от 28.02.2022 г. № 79 (URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/67881)
10.03.2022–н/в	Снятие запрета на зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета, открытые в банках за рубежом, в установленных лимитах. Рост лимита переводов в течение календарного месяца: до 10 тыс. долл. (31.03.2022 г.), 50 тыс. долл. (16.05.2022 г.), 150 тыс. долл. (08.06.2022 г.), 1 млн долл. (01.07.2022 г.)	Указ Президента РФ от 05.07.2022 г. № 430 (URL: https://base.garant.ru/404949169/) и разъяснения Банка России о лимитах переводов
02.03.2022–н/в	Запрет на вывоз из Российской Федерации наличной иностранной валюты и (или) денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долл. США	Указ Президента РФ от 01.03.2022 г. № 81 (URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67886)
09.03.2022–09.09.2022, продление меры до 09.03.2023	Возможность снятия до 10 тыс. долл. в наличной валюте со счета (вклада) и остальных средств в рублях по рыночному курсу на день выдачи. Выдача валюты производится в долларах США независимо от валюты счета	Пресс-релизы Банка России от 09.03.2022 г. [1] и от 01.08.2022 г. [2]
14.07.2022–н/в	Внесение поправок в Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»	Федеральный закон № 353-ФЗ от 14.07.2022 г. (URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48086)
15.10.2022–н/в	Возможность выдачи разрешений на вывоз из страны иностранной валюты в размере более 10 тыс. долл. США в случаях и в порядке, которые установлены Советом директоров Центрального банка России	Указ Президента РФ от 15.10.2022 г. № 737 (URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210150002?index=0&rangeSize=1)

Источник: составлено авторами.

¹ Указом Президента Российской Федерации от 09.06.2022 г. № 360 (URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206090006?index=1&rangeSize=1>) размер продажи выручки начал определяться Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации, которой, в свою очередь, было принято решение отменить это требование к экспортерам.

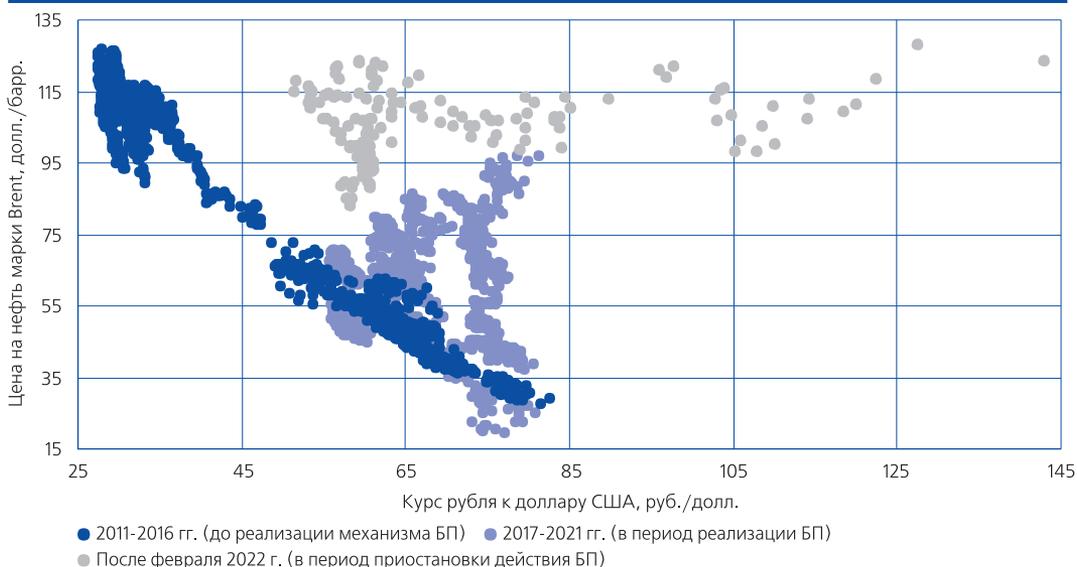
2000-х годов. Совокупность изменений инструментария политики валютного курса позволяет сравнивать текущий режим валютного курса с режимом, сложившимся в 1993–1994 гг.² (Ранее этот режим получил название режима «единого плавающего» валютного курса.)

Приостановка действия механизма бюджетного правила нуждается в отдельном обсуждении. Банком России и Министерством финансов анонсирована необходимость сохранения бюджетного правила как зарекомендовавшего себя инструмента контрциклической политики государственных финансов [3]. При этом остается актуальным вопрос валютной структуры покупок иностранной валюты, параметров «цены отсечения» и норматива добычи энергоресурсов, а также сроков возврата к применению данного правила. В условиях структурной трансформации экономики,

приостановки процесса бюджетной консолидации и роста расходных статей бюджета возврат к бюджетному правилу с целью накопления средств Фонда национального благосостояния, вероятно, будет отложен.

Отметим, что эмпирически наблюдаемая связь курса рубля и цены на нефть ослабла в период действия бюджетного правила (2017–2021 гг.) в сравнении с более ранним периодом (2011–2016 гг., что также подтверждают результаты оценивания модели (1)). И указанная связь не восстановилась после приостановки действия бюджетного правила с конца февраля 2022 г. (См. рис. 2.) Это наблюдение свидетельствует о том, что использование бюджетного правила в качестве механизма снижения зависимости курса рубля от цены на нефть может быть неактуально на современном этапе.

Рис. 2. Диаграмма рассеяния значений курса рубля к доллару США и мировой цены марки Brent (ежедневные данные)

Примечание. БП – бюджетное правило.

Источник: составлено авторами.

² Хотя в 1993–1994 гг. режим валютного курса предполагал валютные интервенции, их размер не мог существенно повлиять на динамику курса национальной валюты. Банк России «не располагал золотым запасом и валютными резервами, достаточными для поддержания рыночного курса рубля на уровне, отвечающем экономическим интересам страны» (годовой отчет Банка России. 1992).

4. Наконец, произошло изменение роли и степени экзогенности канала валютного курса трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики (ТМ ДКП) Банка России. Банком России отмечено увеличение спектра факторов, не связанных с монетарной политикой, но имеющих существенное влияние на курс. Обозначены «зашумление» канала валютного курса и снижение актуальности прежних оценок его работы [4]. Ожидание дальнейшего снижения значимости канала в системе ТМ ДКП может быть обосновано такими причинами, как усиление шоков отдельных валют, не являющихся резервными (например, турецкой лиры, индийской рупии); возможное уменьшение в будущем доли внешней торговли в ВВП России; сохранение ограничений трансграничного движения капитала. В октябре 2022 г., в условиях угрозы санкций в отношении Национального клирингового центра и Московской биржи, Банк России изменил подход к формированию официального курса иностранных валют к рублю³. Новый подход предполагает возможность использования данных о сделках кредитных организаций на валютных рынках при расчете курса рубля. Оценка последствий использования нового подхода к курсообразованию возможна только спустя время.

Таким образом, в новых экономических условиях роль традиционных факторов формирования валютного курса меняется. Изменение динамики показателей статей платежного баланса под влиянием структурной трансформации экономики приводит к слабо контролируемому изменению валютного курса. Центральному банку сложнее влиять на курс рубля как в силу большей экзогенности факторов, так и в силу сокращения использова-

ния привычных, зарекомендовавших себя в прежние периоды как эффективные инструментов политики валютного курса.

Одновременно с этим решения по ключевой ставке продолжают приниматься Банком России с учетом динамики курса рубля. В частности, нежелательное чрезмерное укрепление курса стало одной из причин достаточно планомерного снижения ключевой ставки во втором квартале 2022 г. Хотя трансформация экономики сопровождается сменой основных торговых партнеров, экономика России остается экспортно ориентированной и открытой по счету текущих операций. Вопреки ожиданиям снижения доли внешней торговли в ВВП, первая оценка ВВП за второй квартал 2022 г. показала рост доли чистого экспорта в ВВП с 8,5 до 15,5% в годовом выражении [5]. Действие таких инструментов, как бюджетное правило и операции валютного свопа, приостановлено, однако использование указанных инструментов не отменено окончательно. Сравнительно быстрый отказ от обязательства продажи экспортной валютной выручки, а также расширение лимитов зачисления резидентами иностранной валюты на свои счета за рубежом указывают на намерение Центрального банка поддерживать рыночное курсообразование рубля.

В связи с этим авторы ожидают, что по мере снижения геополитической напряженности, снятия ограничений по финансовому счету платежного баланса, перенаправления и роста объемов импорта, прохождения переходного периода структурных изменений применение в России ранее использовавшихся инструментов политики валютного курса и работа валютного канала денежной трансмиссии восстановятся. ■

³ Указание Банка России от 03.10.2022 г. № 6290-У. 2022. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428646/

Литература

1. Банк России вводит временный порядок операций с наличной валютой // Новости Банка России. 2022. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12738>
2. Банк России продлил ограничения на снятие наличной иностранной валюты еще на 6 месяцев, до 9 марта 2023 года // Новости Банка России. 2022. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14059>
3. Власов С., Хажгериева А. Модификация бюджетного правила: от консерватизма к мягкости. Аналитическая записка Банка России / Банк России, 2022.
4. Морозов А. и др. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России. 2022. № 3 (55).
5. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2 квартал 2022 года // Информационно-аналитические материалы, срочные публикации и комментарии Федеральной службы государственной статистики. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts/comments>
6. IMF data. Commodity terms of trade. Commodity net export price index. 2022. URL: <https://data.imf.org/?sk=2CDDCCB8-0B59-43E9-B6A0-59210D5605D2>

References

1. Bank of Russia establishes temporary procedure for foreign cash transactions // Bank of Russia News. 2022. URL: <https://cbr.ru/eng/press/event/?id=12738>
2. Bank of Russia extends restrictions on foreign cash withdrawals for another six months until 9 March 2023 // Bank of Russia News. 2022. URL: <https://www.cbr.ru/eng/press/event/?id=14059>
3. Vlasov S., Hazhgerieva A. Перевод англ. Bank of Russia analytical note / Bank of Russia. 2022.
4. Morozov A. et al. Talking trends. Economy and markets // Bank of Russia Research and Forecasting Department Bulletin. 2022. No. 3 (55).
5. GDP at current prices for Quarter II 2022 (first estimate) // Federal State Statistics Service indicators. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts/comments>
6. IMF data. Commodity terms of trade. Commodity net export price index. 2022. URL: <https://data.imf.org/?sk=2CDDCCB8-0B59-43E9-B6A0-59210D5605D2>

Russian Exchange Rate Policy in Modern Economic Conditions

Alina M. Grebenkina – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: Grebenkina-am@ranepa.ru

Andrey K. Lyamenkov – Associate Professor of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: liamenkov@yandex.ru

Russian exchange rate policy has changed significantly over the past decades, which was manifested, among other things, in amount of use of certain policy instruments, depending on the exchange rate regime. The results of quantitative analysis show that during the period of inflation targeting, in comparison with the earlier period, there was an improvement in response of ruble to key interest rate and a decrease in dependence of ruble on the world commodity market. However, the macroeconomic shock, happened in the end of February 2022 had a significant impact on both exchange rate policy and sensitivity of exchange rate to its factors.

In context of unbalanced influence of balance of payments items on the exchange rate, the effect of external and internal restrictions on cross-border capital movement and a pause in usage of usual monetary policy instruments, ruble exchange rate has become less interpretable indicator. Nevertheless, the authors believe that significance of ruble as an important parameter of monetary policy will remain as the acute phase of the economic crisis is overcome.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Key words: exchange rate factors, monetary policy, economic crisis.

JEL-codes: E58, F31, F32, G01.

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВА: АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ

О. И. ИЗРЯДНОВА
М. А. КОВАЛЕВА

Усиление ориентации на внутренний рынок поддерживается государственными финансово-экономическими мерами и активной адаптацией российского бизнеса к новым реалиям внешнеэкономических, транспортно-логистических взаимодействий.

Формирование новых транспортных маршрутов и альтернативных рынков привело к стабилизации ситуации в добыче полезных ископаемых. В обрабатывающих производствах динамика определяется характером распределения шоков по видам деятельности и механизмами адаптации производственно-технологических процессов к новой конфигурации рынков материалов, комплектующих, инвестиционных товаров и технологий. Позитивный вклад строительства и сельского хозяйства сдерживает влияние негативных факторов на экономическую динамику. Центром экономической политики является обеспечение сбалансированности производства и доступности общего и критически важного импорта совокупному спросу внутреннего рынка.

Ключевые слова: промышленность, внутренний спрос, внешний спрос, антикризисные меры, инфляция.
JEL: E22, E31, O40.

Экономическая динамика 2022 г. отличалась крайней устойчивостью. Ситуация здесь формировалась при сохранении инерционных тенденций восстановления экономики после пандемии коронавируса и факторов перманентных санкционных ограничений по отношению к реальному и финансовому секторам отечественной экономики, введенных на протяжении 2022 г. [3].

Контуры экономического развития в начале 2022 г. определялись: сохранением дисбаланса растущего спроса и сдержанного изменения предложения при высокой дифференциации темпов по видам экономической деятельности и сегментам внутреннего и внешнего рынков; усилением инфляционного давления на доходы населения и его потребительское поведение; структурной трансформацией цен и издержек производства [2]. По итогам 2021 г. инфляция составила 8,4% при 4,9% годом ранее, а в феврале 2022 г. она повысилась до 9,2% в годовом измерении. Регулирование инфляции инструментами денежно-кредитной политики сопровождалось повы-

шением ключевой ставки Банка России с 4,5% годовых (22.03.2021 г.) до 8,5% (20.12.2021 г.) и 9,5% (14.02.2022 г.).

Кардинальное изменение политико-экономических условий в конце февраля 2022 г. и введение беспрецедентных по масштабам санкций против РФ, ограничивающих выход российского бизнеса на мировые рынки товаров, услуг и технологий, привели к нарушению сложившейся схемы постпандемийного восстановления отечественной экономики. В условиях жесткого давления внешних факторов на финансовый сектор и дестабилизации внутреннего рынка повышение ключевой ставки до 20% годовых (28.02.2022 г.) и реализация мер валютного регулирования позволили в марте 2022 г. остановить инфляцию на уровне 16,7% в годовом измерении и номинальный курс – на уровне 84,09 руб./долл. [1].

Влияние рестрикций на реальный сектор экономики оказалось растянутым по времени, и ситуация в нем в марте, при торможении динамики, оставалась в области положительных значений: валовой выпуск по базовым

Изряднова Ольга Ивановна, заведующий лабораторией структурных проблем экономики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: izryad@iep.ru; Ковалева Марина Александровна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: KovalevaM@ranepa.ru

видам экономической деятельности составил в марте 2022 г. 101,6% к марту предыдущего года (104,5% к первому кварталу 2021 г.) при росте добычи полезных ископаемых на 6,6% (7,3%), объема работ в строительстве — на 5,9% (4,5%) и грузооборота транспорта — на 3,6% (4,2%). На фоне ускорения инфляции ажиотажный спрос в январе-феврале сменился замедлением оборота розничной торговли в марте до 102,0% и оптовой торговли — до 99,5% в годовом выражении. Настораживающим моментом впервые с ноября 2020 г. стало падение выпуска обрабатывающих производств в марте 2022 г. на 0,7% к тому же месяцу предыдущего года, хотя рост производства в январе-феврале обеспечил сохранение здесь позитивной квартальной динамики на уровне 104,5% к соответствующему периоду 2021 г.

По итогам первого квартала 2022 г. относительно соответствующего периода предыдущего года ВВП увеличился на 3,5%, конечное потребление домашних хозяйств — на 4,5% и инвестиции в основной капитал — на 12,8%. При сложившейся внешнеэкономической конъюнктуре позитивное влияние на динамику показателя оказал исключительно высокий за период двадцатилетних наблюдений вклад в него чистого экспорта на уровне 18,7% ВВП.

С апреля 2022 г. фиксировалось усиление деструктивного влияния на экономическую динамику санкционных ограничений — выпуск по базовым видам экономической деятельности во втором квартале составил 96,3% от уровня аналогичного периода предыдущего года. Наиболее острая реакция на изменение политико-экономических условий была отмечена в обрабатывающем секторе под давлением жестких нарушений торгово-экономических и транспортно-логистических взаимодействий: в июне 2022 г. падение обрабатывающих производств достигло критически низкого уровня в 95,3% в годовом выражении при сокращении оборота оптовой торговли на 18,2% и грузооборота транспорта — на 5,8%. Ослабление динамики со 104,5% в первом

квартале 2022 г. до 103,5% во втором относительно соответствующих показателей предыдущего года продемонстрировало строительство на фоне повышения цен на строительные материалы, удорожания кредитов и неустойчивости ипотечного рынка. Ситуация осложнялась сужением потребительского рынка на 9,8% при сокращении реальных денежных доходов населения на 1,9% и реальной заработной платы — на 5,4% по сравнению со вторым кварталом 2021 г.

Неблагоприятное воздействие внешних и внутренних факторов определило сокращение ВВП во втором квартале 2022 г. в годовом выражении на 4,1%, конечного потребления домашних хозяйств — на 5,5% и валового накопления — на 13,8% в результате уменьшения запасов материальных оборотных средств. Хотя вклад чистого экспорта по-прежнему оставался на высоком уровне (15,5% ВВП), санкции на финансовые операции и систему трансграничных платежей сужали возможности трансферта чистых доходов от внешнеторговой деятельности для поддержки внутреннего рынка. В реальном секторе внешние рестрикции существенно затрудняли международную логистику, импорт высокотехнологичных товаров и услуг, а также российский экспорт. Ограничения на финансово-валютные операции привели к временному укреплению курса рубля на конец второго квартала 2022 г. до 51,16 руб./долл. В сложившейся обстановке одновременное падение импорта и приостановка деятельности/уход зарубежных компаний с российского рынка значительно осложнили положение в производствах с высоким уровнем зависимости от импортных промежуточных и конечных товаров, технологий и услуг.

Российский бизнес, с учетом накопленного опыта противостояния рестрициям 2014 г. и периода пандемии, достаточно оперативно отреагировал на нарушение производственно-технологических, торговых и транспортно-логистических цепочек и активно переориентировался на формирование новых деловых партнерств на лояльных рынках товаров и ус-

луг: по итогам первого полугодия 2022 г. стоимостной объем экспорта товаров и услуг увеличился на 41,9%, а импорта – снизился на 6,7% относительно показателей, зафиксированных годом ранее. При разной скорости изменения параметров внешней торговли чистый экспорт в первом полугодии 2022 г. составил 169,6 млрд долл., в 2,8 раза превысив показатель за тот же период предыдущего года. Следует напомнить, что демпфирующее влияние на динамику выпуска по видам экономической деятельности оказало упреждающее накопление запасов материальных средств импортного и отечественного производства в первом квартале 2022 г., позволив несколько ослабить негативное влияние сокращения импорта во втором квартале почти на 23% относительно соответствующего показателя годом ранее. (См. табл. 1.)

Оперативные меры по поддержке системообразующих предприятий, импорта/импортозамещения общих и критически важных товаров и технологий, разрешение параллель-

ного импорта, формирование альтернативных транспортно-логистических маршрутов сняли острое напряжение на внутреннем рынке. Довольно быстрое ослабление инфляционного давления в апреле-мае и формирование слабой помесечной дефляционной волны в июне–сентябре позволили четыре раза за второй квартал снизить ключевую ставку – с 17,0% годовых (11.04.2022 г.) до 9,5% (14.06.2022 г.) и дважды в третьем квартале – до 7,5 годовых (19.09.2022 г.). (См. табл. 2.)

Адаптация экономики к новым ценовым пропорциям внутреннего рынка и к курсу рубля сопровождалась изменением структуры ВВП по доходам в результате снижения в нем доли оплаты труда и чистых налогов на импорт: валовая прибыль экономики и других смешанных доходов в ВВП во втором квартале 2022 г. составила 52,3% и чистых налогов на импорт и производство – 5,6% против соответственно 45,8 и 10,6% годом ранее. Если на изменение чистых налогов на производство и импорт влияло сокращение масштабов

Таблица 1
Динамика основных макроэкономических показателей в 2021–2022 гг., в % к соответствующему кварталу предыдущего года

	2021 г.				2022 г.		
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.
Внутренние условия: производство							
ВВП	99,7	110,5	104,0	105,0	103,5	95,9	96,0
Выпуск по базовым видам экономической деятельности	101,1	113,1	104,7	106,1	104,5	96,3	97,3
Промышленность	99,7	111,1	107,1	107,9	105,1	97,5	98,7
Сельское хозяйство	100	99,7	94,0	106,7	101,9	102,5	106,2
Строительство	102,9	110,6	103,7	106,4	104,5	103,5	106,7
Транспорт	100,5	110,2	107,0	104,8	104,2	97,0	94,5
Оборот розничной торговли	99,2	124,3	105,9	104,	103,5	90,2	90,9
Оборот оптовой торговли	104,9	116,9	102,0	102,1	103,3	84,8	77,4
Внешние условия: внешняя торговля							
Сальдо внешней торговли	93,5	238,4	313,9	319,0	308,6	259,5	144,3
Экспорт товаров и услуг	101,6	158,5	163,0	158,5	160,4	126,8	104,7
Импорт товаров и услуг	104,6	141,0	132,6	123,1	112,3	77,1	85,5
Курс рубля (средний за период), руб./долл.	74,34	74,2	73,47	72,59	84,73	66,01	59,40
Цена нефти Urals, долл./барр.	60,0	67,2	71,2	78,2	90,5	80,6	76,2

Источник: Росстат, ЦБ РФ.

зарубежных поставок, то динамика валовой прибыли определялась переносом возрастающих издержек производства и транспортных затрат в цены при сохраняющемся дисбалансе спроса и предложения: цены производителей промышленных товаров в годовом выражении в первом полугодии 2022 г. увеличились на 25,6% (в добыче полезных ископаемых – на 36,1%, в обрабатывающих производствах – на 23,0%) и в строительстве – на 15,6%.

Стартовые условия второго полугодия 2022 г. сформировали ситуацию для смягчения денежно-кредитного регулирования, валютного контроля, репатриации выручки и движения капитала, повышения кредитной активности нефинансовых корпораций. В обстоятельствах нестабильности внешних условий падение ВВП в третьем квартале составило 4,0% относительно показателя, зафиксированного годом ранее.

С изменением внутренней и внешней конъюнктуры усилилась дифференциация темпов по базовым видам экономической деятельности – увеличился позитивный вклад в экономику сельского хозяйства и строительства. Показатели функционирования инфраструктуры в третьем квартале, напротив, иллюстрировали углубление спада оптовой торговли (-22,6%), грузооборота транспорта (-5,5%)

при трансформационных изменениях транспортно-логистических цепочек, уровня платежеспособности покупателей и транзакционных издержек.

Анализ квартальной динамики по видам экономической деятельности в июле-сентябре 2022 г. показал торможение спада в промышленности [5]. Стабилизация в добыче полезных ископаемых поддерживалась формированием новых направлений экспорта топливно-энергетических товаров. Добыча нефти и природного газа в этот период снизилась относительно соответствующего показателя предыдущего года на 0,1%, однако это позволило поддержать экспортную составляющую и внутренний спрос.

На фоне усиления санкционных ограничений на транспортировку и поставки по традиционным направлениям экспорта его общая динамика в стоимостном выражении, с учетом особенностей товарной структуры, сохранялась в третьем квартале 2022 г. относительно соответствующего периода предыдущего года в положительной области при замедлении до 104,7%.

Торможение спада импорта определялось инерционными процессами восстановления спроса внутреннего рынка после пандемии и усилением влияния факторов адаптации к новой конфигурации внешнеэкономических свя-

Таблица 2

Финансовые условия: ключевая ставка и индексы цен в 2021–2022 гг., в % к предыдущему кварталу

	2021 г.				2022 г.		
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.
Ключевая ставка (на конец квартала), в % годовых	4,50	5,50	6,75	8,50	20,00	9,50	7,50
Потребительские цены	102,1	102,0	101,1	102,9	110,0	101,3	99,1
Цены производителей							
Промышленные товары	110,8	108,2	103,1	104,0	110,2	95,0	96,0
Добыча полезных ископаемых	125,0	110,1	103,1	112,2	123,3	80,0	92,6
Обрабатывающие производства	108,1	109,2	102,6	102,0	106,9	100,4	95,5
Сельскохозяйственная продукция	106,2	100,9	100,9	105,0	102,5	99,1	96,7
Товары инвестиционного назначения	101,1	102,0	102,6	102,1	108,9	102,9	101,1

Источник: Росстат, ЦБ РФ.

зей — в третьем квартале 2022 г. глубина падения импорта уменьшилась до 14,5% против 22,9% во втором относительно показателей, зафиксированных годом ранее. Увеличению стоимостного объема импорта способствовало укрепление реального эффективного курса рубля к иностранным валютам на 23,6% во втором квартале и на 39,7% — в третьем относительно декабря 2021 г. (При оценке динамики импорта следует учитывать сложности трансграничных расчетов, изменения длительности поставок по новым цепочкам торгово-экономических связей и транзакционные издержки.) В условиях изменения всех характеристик внешней торговли, по данным платежного баланса, чистый экспорт (сальдо) товаров и услуг с 90,3 млрд долл. во втором квартале 2022 г. уменьшился до 68,1 млрд долл. в третьем, но при этом он на 44,3% превысил соответствующий показатель за аналогичный период предыдущего года.

В обрабатывающих производствах в третьем квартале 2022 г. наблюдалось ослабление спада в годовом выражении до -2,0%. В потребительском комплексе уменьшение объемов отечественного производства и импорта привело к замедлению оборота розничного рынка на 9,1%, в том числе рынка непродовольственных товаров — на 14,5%. Снижение потребительского спроса было вызвано сокращением реальных располагаемых денежных доходов населения относительно июля-сентября 2021 г. на 3,4% и давлением инфляции за третий квартал 2022 г. на уровне 14,3%. На динамику пищевой и легкой промышленности существенное влияние оказали падение импорта, на долю которого приходится почти 20% промежуточного потребления комплекса потребительских производств, а также нарушение поставок из сопряженных отраслей.

Нарушение и разрыв производственно-технологических и торговых цепочек в условиях санкционных ограничений осложнили функционирование экспортно ориентированных производств лесного и химического ком-

плексов — как в связи с сокращением поставок на внешние рынки, так и со сжатием возможностей закупок импортных материалов, реагентов. Довольно устойчивую позицию на внутреннем рынке в этой ситуации сохранило производство лекарственных средств, которое осталось вне зоны жестких рестрикций на торговлю химико-биологическими субстанциями и имело определенный потенциал развития за счет отечественной базы производства химических продуктов и веществ. При оценке состояния производства лекарственных средств следует отметить, что отказ некоторых зарубежных компаний, функционирующих на российском рынке, от инвестиций в научные и клинические исследования требовал актуализации программы развития отечественного фармацевтического рынка с учетом новых реалий межстрановых взаимодействий и внутреннего потенциала.

Сокращение масштабов импорта товаров инвестиционного назначения и комплектующих для высоко- и среднетехнологичных производств крайне болезненно отразилось на динамике машиностроительного комплекса, спад производства в котором в третьем квартале 2022 г. находился на критически низком уровне относительно соответствующего периода предыдущего года, составив -12,4%. Наиболее острая реакция на приостановку деятельности/уход с рынка крупных зарубежных компаний и нарушение производственно-технологических цепочек фиксировалась в производстве автотранспортных средств, падение выпуска которого за январь-сентябрь 2022 г. составило 57,7% относительно того же периода предыдущего года. Переориентация на новые рынки поставщиков, комплектующих и модельные линейки товаров потребовала продолжительного времени, и только в августе-октябре темпы производства к предыдущим месяцам 2022 г. вышли здесь в область положительных значений.

Сложности производства электрооборудования также связаны с традиционной ориентацией делового партнерства на крупные за-

рубежные компании «недружественных» стран, что, при отказе от производственно-торговых взаимодействий с ними, сдерживает восстановление объемов выпуска данной продукции, несмотря на созданный в отрасли за последние годы потенциал производственных мощностей.

Диверсифицированная система производственно-технологических и торгово-логистических взаимодействий отечественных производств компьютерной и электронной техники на внешнем рынке определила условия для довольно быстрой их адаптации к санкционным ограничениям, в частности, за счет механизмов параллельного импорта, усиления традиционного партнерства на лояльных рынках: за январь-сентябрь 2022 г. производство компьютерной и электронной техники увеличилось относительно того же периода предыдущего года на 4,6%, но неустойчивость квартальной и помесечной динамики требует сдержанного отношения к оценке этого показателя.

Динамика производства машин и оборудования поддерживается государственными закупками, что обусловило рост отрасли на

5,0% относительно января-сентября 2021 г. Однако нарушение внутри- и межотраслевых связей машиностроительных производств привело здесь в исследуемый период к снижению годовых темпов и помесечной динамики. Собственно, этими же причинами объясняется и падение производства прочих видов транспорта и ремонта машин и оборудования. Разбалансированность движения материальных оборотных средств, высокая дифференциация в загрузке производственных мощностей и сокращение импортных поставок материалов, комплектующих и готовых товаров, достигающих почти 40% промежуточного спроса (по данным за 2019 г.), крайне негативно отражаются на состоянии как самого машиностроительного комплекса, так и сопряженных с ним видов экономической деятельности.

Характер функционирования металлургического комплекса определялся изменением структуры и объемов внешнего спроса при переориентации потоков товаров на рынки лояльных партнеров и удовлетворении спроса внутреннего рынка в конструкционных материалах: за январь-сентябрь 2022 г. производ-

Таблица 3

Динамика производства по добывающему и обрабатывающему секторам экономической деятельности в 2021–2022 гг., в % к соответствующему кварталу предыдущего года

	2021 г.				2022 г.		
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.
Добыча полезных ископаемых	93,0	107,6	108,7	108,6	107,3	98,8	100,0
Добыча сырой нефти и природного газа	90,6	105,4	107,8	108,4	107,4	97,9	99,9
Обрабатывающие производства	100,7	110,8	103,6	107,1	104,7	96,2	98,8
Потребительский комплекс							
Пищевая промышленность	100,6	103,5	104,9	106,3	104,7	96,2	98,8
Легкая промышленность	104,3	118,3	101,1	102,2	98,9	93,3	97,1
Лесопромышленный комплекс	102,3	114,9	108,6	109,3	106,8	96,9	92,8
Химический комплекс	110,9	109,1	104,5	105,4	105,9	98,3	98,3
Нефтехимический комплекс	93,4	108,5	105,1	108,7	102,9	94,5	100,8
Строительный комплекс (неметаллическая минеральная продукция)	97,7	113,8	107,1	109,7	111,2	102,2	98,3
Металлургический комплекс	95,7	108,3	101,1	103,3	104,6	96,3	103,0
Машиностроительный комплекс	112,7	128,1	103,0	104,7	103,1	89,4	87,6

Источник: Росстат, ЦБ РФ.

ство готовых металлических изделий увеличилось в годовом выражении на 3,5% и поддерживалось государственными мерами стимулирования закупок при ответной реакции производителей на временное сдерживание цен. Это обстоятельство стало особенно важным для производства строительных материалов и внедрения новых технологий строительства. (См. табл. 3.)

Довольно уверенная адаптация российского бизнеса к меняющимся внешним и внутренним условиям стала основанием для пересмотра краткосрочных прогнозов его состояния по итогам года [4]. При этом следует от-

метить, что адаптационные механизмы позволили поддерживать стабильность на рынке труда при снижении уровня общей безработицы с 4,1% в первом квартале до 3,8% в третьем и нагрузке незанятого населения на 100 вакансий с 47,2 человек до 43,9. Однако падение реальной заработной платы и реальных доходов населения повышает риски ослабления внутреннего потребительского спроса и снижения инвестиционной активности населения. Кроме того, на неустойчивость ситуации указывают и ускорение инфляции в октябре, и ослабление динамики базовых видов экономической деятельности. ■

Литература

1. Доклад о денежно-кредитной политике. Вып. 4 (40), октябрь 2022 г. / Банк России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ddkp/longread_4_40/
2. Дробышевский С.М., Павлов П.Н. Структура темпов роста ВВП России на перспективу до 2024 г. // Вопросы экономики. 2022. № 3. С. 29–51.
3. Мау В.А. Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021–2022 гг. // Вопросы экономики. 2022. № 3. С. 5–28.
4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/materials.html
5. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 5–25.

References

1. Monetary policy report. Issue 4 (40), October 2022 / Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ddkp/longread_4_40/
2. Drobyshevsky S.M., Pavlov P.N. Structure of GDP growth rates in Russia up to 2024 // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 3. Pp. 29–51.
3. Mau V.A. Economic policy in times of the pandemic: The experience of 2021–2022 // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 3. Pp. 5–28.
4. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2023 and for the planning period 2024 and 2025. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/materials.html
5. Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G. Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 6. Pp. 5–25.

Dynamics and Structure of Production: Adaptation to New Realities

Olga I. Izryadnova – Head of Structural Policy Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: izryad@iep.ru

Marina A. Kovaleva – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: KovalevaM@ranepa.ru

Increasing orientation to the domestic market is supported by the state financial and economic measures and active adaptation of the Russian business to the new realities of foreign economic, transport and logistics interactions.

The formation of new transport routes and alternative markets has led to the stabilization of the situation in the extraction of minerals. In the manufacturing industries, the dynamics is determined by the nature of distribution of shocks by type of activity and mechanisms of adaptation of production and technological processes to the new configuration of materials, components, investment goods and technologies markets. The positive contribution of construction and agriculture restrains the influence of negative factors on the economic dynamics. The center of economic policy is to balance production and the availability of common and critical imports to the aggregate demand of the domestic market.

Key words: industry, domestic demand, external demand, anti-crisis measures, inflation.

JEL-codes: E22, E31, O40.

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

К. М. БАГДАСАРЯН

Соединенные Штаты – традиционно ведущий торгово-экономический партнер России, прежде всего в технологической и инвестиционной сферах. Однако введенные США в 2022 г. санкции в отношении Российской Федерации негативно отразились на всем комплексе торгово-экономических связей двух стран. Такая ситуация требует адаптации торговой политики России к новым условиям деятельности на американском рынке.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: торговля товарами и услугами, Российская Федерация, санкции, Соединенные Штаты Америки, трансфер технологий.

JEL: F02.

После активной фазы санкционного противостояния в 2014–2015 гг. торгово-экономические отношения между Россией и США стабилизировались на более низком уровне по сравнению с предыдущим периодом [1]. При этом заметно сократился американский импорт в Россию товаров, услуг, технологий и ПИИ.

В 2021 г. (по данным ФТС России) двусторонний товарооборот увеличился по сравнению с 2020 г. на 44,1%, составив 34,4 млрд долл. Соединенные Штаты заняли 5-е место среди ведущих торговых партнеров страны с долей в 4,4%. Российский экспорт в США вырос в этот период на 61,8% – до 17,5 млрд долл., а американский импорт в РФ – на 29,5% – до 16,9 млрд долл. Положительное сальдо для России в двусторонней торговле составило 661,0 млн долл. [6].

Одновременно, согласно американской статистике, Россия занимала только 23-е место среди торговых партнеров США по объему товарооборота с долей в 0,8%. Это свидетельствует об асимметричной зависимости и заинтересованности сторон в развитии торговых отношений [10].

Вместе с тем в этот период существовали достаточно устойчивые межфирменные поставки по отдельным видам продукции. Так,

на долю России в 2021 г. приходилось 26,6% американского импорта никеля, 20,9% титана, 12,1% удобрений и 10,3% морепродуктов (ракообразные), 20,5% нефти и нефтепродуктов, при этом доля нефтепродуктов в совокупном объеме импорта США из России составляла 43%. (См. рисунок.)

В 2021 г. основу российского экспорта в США составляли товары группы «минеральные продукты» (50,0%), в частности нефть и нефтепродукты (49,7%), металлы и изделия из них (14,2%), металлы платиновой группы (13,1%) и продукция химической промышленности, включая удобрения (12,2%).

Основу импорта из США составляли поставки машин, оборудования и транспортных средств (71,7%), в частности летательных аппаратов (29,3%), а также продукция химической промышленности (19,2%), включая фармацевтику (8,5%).

Уже в конце февраля 2022 г. США объявили, что ввели крупнейшие в истории санкции в сфере торговли, которые нацелены на лишение ряда секторов российской экономики (оборонно-промышленный комплекс, самолето- и судостроение, ИКТ и пр.) важнейших технологических элементов. Прежде всего это касается широкой номенклатуры высокотехнологичной продукции.

Багдасарян Княз Мнацаканович, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

С марта 2022 г. Соединенные Штаты также начали поэтапно вводить запреты на импорт товаров из России – все углеводороды (нефть, нефтепродукты, СПГ и уголь), предметы роскоши (включая морепродукты, спиртные напитки, обработанные алмазы) и пр. Показательно, что в первую очередь под запреты попало большинство основных товарных позиций российского экспорта в США. (См. таблицу.)

Кроме того, в марте 2022 г. Соединенные Штаты приняли решение о лишении Российской Федерации статуса постоянных нормальных торговых отношений (*Permanent normal trade relations status – PNTR status*) – так в США с 1998 г. называется режим наибольшего благоприятствования (РНБ). В апреле эта дискриминационная мера была оформлена в специальном законе. Традиционно в случае лишения статуса PNTR к импорту товаров из этой страны начинает применяться колонка 2 Гармонизированной тарифной сетки США (*United States Harmonized Tariff Schedule – USHTS*), ставки пошлин в которой, как правило, в два раза выше, чем в конвенциональной колонке 1. Вместе с тем даже этот повышенный тариф на базовые товары отечественного ввоза в США в среднем не превышал 1% [9].

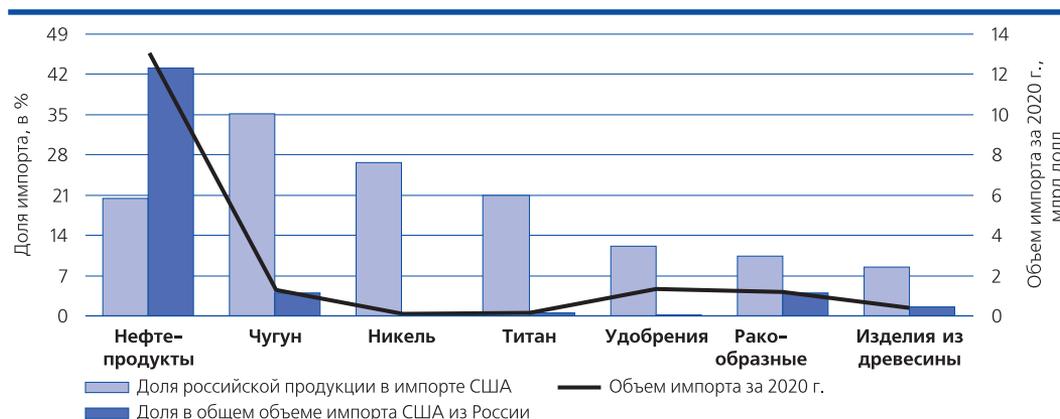
Однако упомянутый закон предоставляет Президенту США право устанавливать более

высокие пошлины. И в конце июня 2022 г. Администрация опубликовала список товаров, которые будут облагаться по ставке 35% при импорте из России. Повышенные тарифы охватывают 570 товарных позиций (на сумму 2,3 млрд долл. по итогам 2021 г.), включая изделия из стали, некоторые виды алюминиевой продукции, минералов и руды, химические соединения, резину, древесину, бумагу, компоненты авиатехники и пр.

В итоге ввоз российской продукции из этого списка после введения заградительных пошлин практически сразу обнулится. Более того, сократились поставки и других товаров, поскольку российские экспортеры ожидали дальнейшего расширения запретов.

Вместе с тем Соединенные Штаты не стали повышать тарифы на ряд металлов из России, которые имеют стратегическое значение для национальной экономики: изделия из чугуна, металлы платиновой группы (палладий, платина, родий и пр.), никель, титан, а также обогащенный уран. Не изменены ставки на ввоз российских удобрений (но к ним применяются антидемпинговые пошлины). Такая ситуация демонстрирует прагматичный и избирательный подход американской стороны к введению санкций с учетом интересов экономики страны.

Импортная зависимость США по базовым товарам из России в 2021 г.

Источник: [8].

Уже к середине 2022 г. Соединенные Штаты ввели прямые запреты (эмбарго) на импорт базовых товаров из России (прежде всего энергоносители) по номенклатуре, на которую, по данным американской статистики, в 2021 г. приходилось около 2/3 стоимости отечественного ввоза в США. Еще почти на 8% этого объема были введены заградительные ставки в размере 35%. Помимо этого, на некоторые российские сырьевые товары и полуфабрикаты продолжают действовать восемь антидемпинговых, четыре компенсационные и три специальные защитные пошлины, а также другие ограничения [5].

Более того, 10 ноября Министерство торговли США объявило, что больше не будет рас-

сматривать Россию как рыночную экономику в своих антидемпинговых расследованиях [11]. Эта дискриминационная мера ухудшает условия деятельности российских экспортеров, прежде всего металлургической и химической продукции, на американском рынке.

Таким образом, в настоящее время примерно четверть российского экспорта (по стоимости) в США пока не затронуто эмбарго или высокими тарифными барьерами [7]. Следует исходить из того, что эта доля будет постепенно сокращаться из-за введения Соединенными Штатами новых запретов и ограничений.

В сложившихся условиях отечественные экспортеры вынуждены частично переориен-

Ставки пошлин по десяти крупнейшим товарным позициям импорта России в США в 2021 г.

8-значный код товара по Гармонизированной тарифной сетке USHTS	Стоимостной объем импорта, млрд долл.	Физический объем импорта	Сумма оплаченной таможенной пошлины, млн долл.	Ставка пошлины, долл./барр.		Расчетная сумма таможенной пошлины по ставкам колонки 2, млн долл.
				колонка 1	колонка 2	
2710.19.06 – Дистиллят и остаточный нефтяной мазут с температурой < 25 градусов	9,0	134,6 млн барр.	7,1	0,0525	0,21	28,3
2709.00.20 – Сырая нефть	3,4	48,7 млн барр.	5,1	0,105	0,21	10,2
2710.19.11 – Дистиллят и остаточный нефтяной мазут с температурой > 25 градусов	1,7	21,9 млн барр.	2,3	0,105	0,21	4,6
7110.21.00 – Необработанный или порошкообразный палладий	1,6	20,7 млн компонент. граммов	0	0	0	0
2710.12.15 – Легкое моторное топливо	1,3	16,6 млн барр.	8,7	0,525	1,05	17,5
7201.10.00 – Нелегированный чугун	1,2	2,1 млн метрич. т	0	0	1,11 долл. /т	2,3
0306.14.40 – Крабовые продукты	1,1	31,7 млн кг	0	0	0	0
7207.12.00 – Полуфабрикаты из чугуна или нелегированной стали*	0,9	1,2 млрд кг	206,1	0	20%	383,4
7110.31.00 – Некованный или порошкообразный родий	0,7	1,2 млн компонент. граммов	0	0	0	0
2844.20.00 – Обогащенный уран и радиоактивные химические элементы	0,6	550,388 кг	0	0	0	0

* – Данный товар дополнительно облагается 25%-ным тарифом по разделу 232 Закона США о расширении торговли от 1962 г. (Trade Expansion Act of 1962).

Источник: [9].

тировать свои поставки на другие страны, прежде всего крупные азиатские экономики. Однако это требует дополнительных расходов на выстраивание новых транспортно-логистических цепочек и системы платежей, тогда как прибыльность этих рынков менее значима.

В свою очередь, американские компании ищут новых поставщиков или повышают цены на внутреннем рынке, чтобы компенсировать возможное увеличение расходов. В связи с этим Управление по контролю за иностранными активами (*Office of Foreign Assets Control – OFAC*) Министерства финансов США после консультаций с бизнесом пересматривает в сторону смягчения ряд санкций или даже отменяет их.

В результате действия указанных негативных факторов двусторонний товарооборот, согласно статистике США, в первом полугодии 2022 г. сократился по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года до рекордно низкого уровня двадцатилетней давности. Необходимо также отметить критическое уменьшение американского экспорта в Россию, учитывая, что в 2021 г. США занимали третье место среди поставщиков продукции (прежде всего высокотехнологичной) на отечественный рынок и пятую позицию в общем товарообороте.

Применение запретов и ограничений привело к тому, что уже в начале второго полугодия 2022 г. взаимный товарооборот (по оценке ФТС России [3]) существенно сократился (примерно на 65% по сравнению с уровнем предыдущего года), и эта тенденция продолжает усиливаться. В итоге Соединенные Штаты выбыли из десятки ведущих внешнеторговых партнеров РФ и опустились на 12-е место.

Негативные тенденции санкционного противостояния затронули и другие сферы двусторонних торгово-экономических отношений, включая поставки услуг, движение ПИИ и трансфер технологий.

По итогам 2021 г. стоимостной объем российско-американского оборота услуг (по данным ЦБ РФ) увеличился по сравнению с

2020 г. на 23,4% и составил 8,3 млрд долл. (четвертое место среди основных партнеров России по обороту с долей в 6,2%). При этом экспорт услуг вырос на 28,2% — до 4,5 млрд долл., а импорт — на 18,3% — до 3,8 млрд долл. Согласно американской статистике в 2021 г. в сфере торговли услугами Россия была 34-м по значимости партнером США с долей в 0,5%.

В 2020 г. структура экспорта услуг из России в США по основным секторам была следующей: ИКТ-услуги (49,9%), деловые услуги (24,7%) и транспортные услуги (14,0%). В сфере импортных поставок услуг из США лидировали платежи за использование интеллектуальной собственности (23,35%), деловые услуги (23,1%) и ИКТ-услуги (21,5%).

Необходимо подчеркнуть, что почти половина объема взаимных поставок услуг была непосредственно связана с высокотехнологичными и наукоемкими секторами, а американский рынок был вторым по значимости для отечественных экспортеров. Но в 2022 г. США ввели ограничения в отношении России на финансовые, деловые и транспортные услуги, что существенным образом отразится на снижении объемов двусторонних поставок.

Соединенные Штаты расширили также санкционный список 2014 г., запрещающий передачу России технологий (объектов интеллектуальной собственности). Прежде всего это касается ужесточения экспортного контроля по технологиям военного и двойного назначения, а также важнейших секторов экономики РФ, включая нефтедобычу. Помимо этого, ограничения были распространены не только на объекты промышленной собственности, но и на авторские и смежные права, которые ввели уже сами американские правообладатели.

Между тем трансфер зарубежных высоких технологий критически важен для развития экономики России, и Соединенные Штаты являлись одним из важнейших их источников. Кроме того, практически полностью прервана двусторонняя кооперация в научно-технической сфере, способствовавшая реализации инновационного потенциала России [2].

Поэтапный исход американских компаний и капиталов с российского рынка начался еще несколько лет назад: объем прямых американских инвестиций в Россию в 2020 г. составил всего 0,2% от общего экспорта американских ПИИ. А в 2022 г. десятки корпораций США прекратили в разных формах свою деятельность в России.

В свою очередь, под давлением сложившихся обстоятельств ведущие российские компании стали сворачивать предпринимательскую деятельность на американском рынке. Здесь необходимо принимать во внимание санкционные списки США юридических и физических лиц, нахождение в которых означает невозможность осуществления коммерческой деятельности с американской стороной.

Так, летом 2022 г. одна из крупнейших мировых металлургических компаний российского происхождения Evraz начала процесс продажи активов своего североамериканского дивизиона. Evraz North America (ENA) – вертикально интегрированный производитель стальной продукции широкой номенклатуры в США и Канаде (более 30 предприятий). Одной из основных причин продажи является нахождение Evraz и его главного акционера

Р. Абрамовича под санкциями Великобритании, что уже осложняет глобальную деятельность компании. Но велики риски, что это может произойти и в США [4]. В такой ситуации ожидается, что продажа активов ENA будет осуществлена с дисконтом.

Весной 2022 г. вместо планировавшегося IPO крупнейший российский производитель труб «Трубная металлургическая компания» (ТМК) продал свой североамериканский актив IPSCO (11 предприятий по производству труб в США и Канаде) по тем же причинам. Ранее, на волне первых американских санкций в 2014 г., в США были проданы все металлургические заводы «Северстали» А. Мордашова.

Также необходимо принимать во внимание активную роль США в выработке и координации новых коллективных санкций в отношении России, что усложняет деятельность отечественных компаний на глобальных рынках в целом. Таким образом, в сложившихся условиях двусторонние торгово-экономические отношения находятся на исторически низком уровне, хотя остаются отдельные сферы для взаимодействия, которые необходимо сохранять и поддерживать с учетом долгосрочной перспективы. ■

Литература

1. Багдасарян К.М. Критический анализ работ отечественных исследователей, посвященных экономическим санкциям против России и ответным мерам // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 2. С. 29–37.
2. Баландина Г.В. и др. Поддержка инновационной деятельности: внешнеэкономический аспект. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. (Сер. Инновационная экономика: регулирование). URL: https://www.iep.ru/files/text/innov_econ/makarov.pdf
3. Ивин В. США выпали из десятки крупнейших торговых партнеров России // РИА Новости, 2022. URL: <https://ria.ru/20220913/ssha-1816367798.html>
4. Милькин В., Николаев Н. Evraz начала выход из американских активов // Ведомости. 11.08.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/11/935486-evraz-vihod-amerikanskih>
5. Обзор существующих ограничений в доступе российских товаров на зарубежные рынки / Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития России, 2022. URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/
6. Справочные и аналитические материалы / ФТС России, 2022. URL: <https://customs.gov.ru/statistic>
7. Biden J.R. Proclamation on Increasing Duties on Certain Articles from the Russian Federation / The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/06/27/proclamation-on-increasing-duties-on-certain-articles-from-the-russian-federation/>
8. Rogers C. Less Favored Nation – The Future of Russia’s WTO Status / Flexport. 2022. URL: <https://www.flexport.com/research/less-favored-nation-the-future-of-russias-wto-status>

9. Russia's Trade Status, Tariffs, and WTO Issues / Congressional Research Service. 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12071>
10. Schwarzenberg A.B. Russia's Trade and Investment Role in the Global Economy / Congressional Research Service. 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12066>
11. U.S. Department of Commerce revokes Russia's market economy status in antidumping proceedings / U.S. Department of Commerce. 2022. URL: <https://www.trade.gov/press-release/us-department-commerce-revokes-russias-market-economy-status-antidumping-proceedings>

References

1. Bagdasaryan K.M. Economic Sanctions on Russia and Reciprocal Embargo Related Works Review // Russian Economic Development. 2020. Vol. 27. No. 2. Pp. 29–37.
2. Balandina G.V. et al. Innovation activity support: the foreign economic aspect. Moscow: Publishing House «Delo» RANEPА, 2012. (Series Innovative economy: regulations). URL: https://www.iep.ru/files/text/innov_econ/makarov.pdf
3. Ivin V. The U.S. has dropped out of Russia's Top-10 trading partners // RIA news. 2022. URL: <https://ria.ru/20220913/ssha-1816367798.html>
4. Milkin V., Nikolayev N. Evraz has begun to withdraw from U.S. assets // Vedomosti. August 11, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/11/935486-evraz-vihod-amerikanskih>
5. An overview of existing restrictions on the access of Russian goods to foreign markets / Foreign Economic Information Portal of the Ministry of Economic Development of Russia. 2022. URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/
6. Reference and analytical materials / Federal Customs Service of Russia. 2022. URL: <https://customs.gov.ru/statistic>
7. Biden J.R. Proclamation on Increasing Duties on Certain Articles from the Russian Federation / The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/06/27/proclamation-on-increasing-duties-on-certain-articles-from-the-russian-federation/>
8. Rogers C. Less Favored Nation – The Future of Russia's WTO Status / Flexport. 2022. URL: <https://www.flexport.com/research/less-favored-nation-the-future-of-russias-wto-status>
9. Russia's Trade Status, Tariffs, and WTO Issues / Congressional Research Service. 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12071>
10. Schwarzenberg A.B. Russia's Trade and Investment Role in the Global Economy / Congressional Research Service. 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12066>
11. U.S. Department of Commerce revokes Russia's market economy status in antidumping proceedings / U.S. Department of Commerce. 2022. URL: <https://www.trade.gov/press-release/us-department-commerce-revokes-russias-market-economy-status-antidumping-proceedings>

Russian-American Trade and Economic Relations Prospects under Impact of Sanctions

Knyaz M. Bagdasaryan – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: bagdasaryan-km@ranepa.ru

The United States is traditionally Russia's leading trade and economic partner, primarily in the technological and investment spheres. However, the sanctions imposed by the United States on the Russian Federation in 2022 had a negative impact on the entire complex of trade and economic relations between the two countries. This situation requires adapting Russia's trade policy to the new conditions of activity in the U.S. market.

The article was prepared as part of the research work of the state task of the RANEPА.

Key words: trade in goods and services, Russian Federation, sanctions, United States of America, technology transfer.

JEL-codes: F02.

Эконометрическое моделирование

ОЦЕНИВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ПЕРЕСМОТРЫ ВВП РОССИИ НА ИСТОРИИ¹

А. Р. ШАРАФУТДИНОВ

Статья посвящена оцениванию параметров неопределенности ВВП России на истории, возникающей вследствие пересмотров и уточнения данных со временем. Краткий обзор причин пересмотров позволяет сформировать понимание их необходимости и важности. В целях анализа предполагается, что неопределенность убывает со временем и происходит систематично, что отражается в гетероскедастичности в виде уменьшения стандартного отклонения пересмотров со временем и в автокорреляции в виде зависимости пересмотров в рамках одной публикации. Оценивание производится с помощью параметризованной ковариационной матрицы по методу Каннингема.

В качестве примера визуализации неопределенности в данных в работе представлены веерные графики. Одним из применений оценивания неопределенности на истории является возможность калибровки параметров для фильтрации истинных значений ВВП, а также возможность уточнения неопределенности в прогнозе.

Ключевые слова: пересмотры ВВП России, параметры неопределенности ВВП, анализ винтажей данных, построение веерных графиков.

JEL: C13, C30, C65.

Введение

Макроэкономические данные содержат неопределенность, поскольку скорее представлены оценками, чем идеальными измерениями истинных значений показателей. Неопределенность проявляется в склонности статистических служб к пересмотру оценок при поступлении новой информации или улучшении методологии. В то время как пересмотры приближают оценки к истинным значениям, вероятные пересмотры статистики в будущем создают трудности для анализа текущей ситуации и прогнозирования.

Необходимо внести ясность в вопрос о возможных причинах пересмотров. Во-первых, большую неопределенность создает ненаблюдаемая экономика, которая в 2014–2017 гг. составляла 12–14% ВВП РФ. Во-вторых, принимаются методологические изменения, которые также приводят к пересмотрам на ис-

тории. В-третьих, согласно текущей методологии, четвертая оценка квартального ВВП публикуется на третий год после отчетного периода.

В процессе изучения этого вопроса был рассмотрен ряд работ. Отправной точкой настоящего исследования является работа Каннингема [11], посвященная необходимости учитывать пересмотры данных с помощью введения метрик неопределенности. В своей более поздней работе [10] Каннингем освещает теоретические аспекты оценивания параметров неопределенности и бэккастинга. (Стоит сделать оговорку, что в настоящей работе бэккастинг не проводится.)

В исследовании Бауэра и Келемена [9], сотрудников Банка Венгрии, описывается применение метода Каннингема в упрощенной версии, в которой учитывается только гетероскедастичность пересмотров в зависимости от

Шарафутдинов Артур Радикович, аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; главный экономист Департамента денежно-кредитной политики Банка России (Москва), e-mail: artur.sharafutdinov@phystech.edu

¹ Настоящее исследование выражает личную позицию автора, которая может не совпадать с официальной позицией Банка России. Банк России не несет ответственности за содержание исследования.

зрелости данных и не учитывается автокорреляция пересмотров. Гальвао и Митчел [12] проводят более сложный анализ зависимости параметров неопределенности от ширины окна, т.е. от горизонта пересмотров. Из их работы взяты некоторые идеи представления информации о параметрах неопределенности. Работа Астафьевой и Турунцева [1] охватывает анализ пересмотров с точки зрения среднего пересмотра, среднего относительного пересмотра, среднего абсолютного пересмотра, относительного среднего абсолютного пересмотра и стандартного отклонения пересмотров номинального объема ВВП и индекса физического объема ВВП.

Метод Каннингема отличается от перечисленных выше инструментов анализа пересмотров, так как предполагает наличие автокорреляции пересмотров внутри одной публикации и гетероскедастичности остатков автокорреляционного процесса в виде убывающей дисперсии (подробнее метод описан в разделе «Теоретические аспекты подхода»).

Аналитическая записка Горностаева и др. [4], сотрудников Департамента исследований и прогнозирования Банка России, расширяет область исследования пересмотров ВВП — в ней исследуются пересмотры данных с устранением сезонности. Из этой работы также следует, что в России применяются сопоставимые с аналогичными пересмотрами в подавляющем большинстве стран ОЭСР пересмотры квартального роста ВВП с точки зрения среднего пересмотра на горизонте трех лет.

Причины пересмотров

Необходимо обозначить цель пересмотров, которая заключается в предоставлении пользователям максимально точных и своевременных данных. Но улучшение одной из характеристик данных осуществляется за счет ухудшения другой, в связи с чем статистические службы вынуждены находить баланс путем публикации предварительных данных, которые уточняются в процессе получения более полной информации. Более того, своевременные

пересмотры являются признаком честности статистического агентства, поскольку это свидетельствует об учете наиболее полной доступной информации, поэтому информирование пользователей о причинах пересмотров повышает доверие к статслужбе.

«Когда мы даем первые оценки, это, как правило, данные, основанные на небольшом объеме информации. Потом появляются утвержденные данные о государственном бюджете, о бюджетах внебюджетных фондов. В конце года получаем конечную информацию об объемах производства валового продукта сельского хозяйства и прочее», — так А.Е. Суринов, экс-руководитель Росстата, объяснял причины пересмотров динамики ВВП России [5].

Изменение структуры номинального ВВП обуславливает необходимость смены базового периода на новый, более близкий — так, в России смена базового периода с 2008 на 2011 год привела к пересмотру секторальных компонентов ВВП, что отражено в работе Гавриленкова и Струченевского [3]. Причиной пересмотра ВВП послужил переход к новой методике системы национальных счетов, увеличивающей номинальный ВВП за счет добавления условно начисленной ренты, отсутствие которой приводило к недооценке ВВП России по сравнению с другими странами. Помимо этого, государственное потребление расширилось за счет учета потребления основного капитала по рыночным ценам, что, как и временная рента, привело к увеличению «неденежной» составляющей ВВП. Кроме того, вследствие перехода к новой методологии, некоторые расходы на военные научные исследования стали относиться к инвестициям ввиду того, что новые технологии могут применяться и в гражданских отраслях.

Причиной точечного пересмотра прироста ВВП в 2018 г. до 2,3% стал пересмотр оценки роста строительства, который произошел в результате получения итоговой отчетности строительных подрядчиков нефтяных компаний в Тюменской области ввиду того, что

строительство продолжается несколько лет и в промежуточной отчетности объемы выполненных работ могут, как следует из статьи Ломской [6], недооцениваться.

Декомпозиция пересмотров темпов прироста ВВП России на факторы, представленная в аналитической записке АКРА [13], показывает, что в период с 2004 по 2011 гг. большая часть пересмотров ВВП происходила вследствие пересмотров добавленной стоимости в таких отраслях, как торговля, финансовые услуги и другие услуги, а в период с 2014 г. - в производстве и строительстве.

Причиной пересмотра ВВП России за 2015-2018 гг., согласно бюллетеню Аналитического центра при Правительстве РФ [2], послужил пересчет данных в связи с переходом ко второй редакции Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, который повлек за собой пересмотр вверх темпов прироста, несмотря на снижение в уровнях. Стоит отметить, что периодически проводимые пересмотры сближают динамику показателей системы национальных счетов и оперативных показателей.

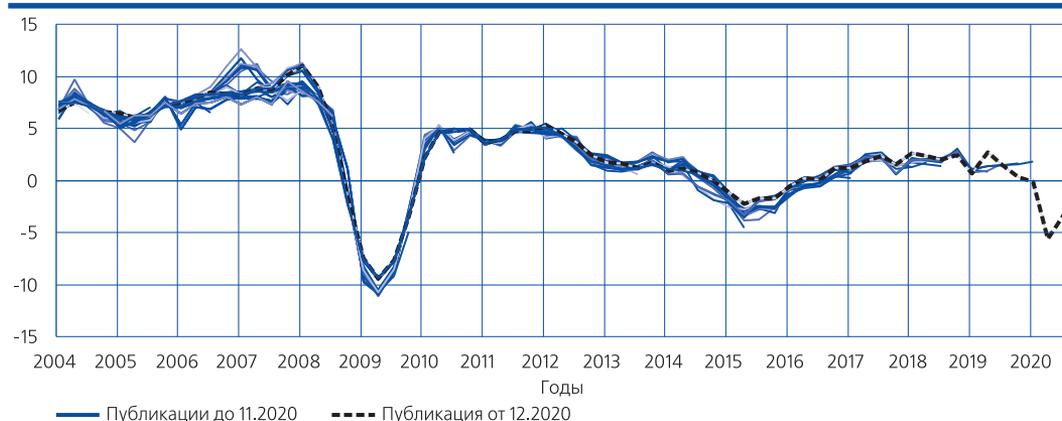
Помимо изменения методологии Росстата причиной пересмотров может являться сезон-

ное сглаживание, поскольку ряд с сезонными поправками меняется полностью каждый раз, когда пересматривается какое-то значение или добавляется новое наблюдение. Поэтому значительные пересмотры могут происходить на горизонте пяти лет, хотя и для более «зрелых» наблюдений пересмотры происходят в меньшей степени, что подтверждается данными, представленными на рис. 1, и объясняется меньшими весами при сезонном сглаживании (см. «Руководство по квартальным национальным счетам» МВФ [17]).

Пересмотры данных в публикациях

Наглядно масштаб неопределенности в публикациях Росстата показан на рис. 1, на котором сравнивается график темпов прироста ВВП России из публикации от декабря 2020 г. с более ранними, винтажными, публикациями на основе данных с устранением сезонности, опубликованных в период с третьего квартала 2004 г. по четвертый квартал 2020 г., взятых с сайтов OECD iLibrary [16] и ALFRED archived economic data [8]. Из рисунка видно, что пересмотры часто бывают большими и что, следовательно, построение прогноза на основе по-

Рис. 1. Винтажные траектории темпов прироста ВВП РФ (SA²), в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: OECD iLibrary и ALFRED archived economic data.

² SA — seasonally adjusted (сезонно скорректированный).

следних доступных данных может быть смещенным, поскольку сами исторические данные могут быть пересмотрены в значительной степени.

В бюллетене Департамента исследований и прогнозирования Банка России (2019) [7] приводится сравнение стран по показателю «средний пересмотр темпов прироста ВВП относительно стандартного отклонения темпов прироста ВВП». Здесь под пересмотром понимается разница между первой оценкой и оценкой через 3 года в абсолютном выражении. Согласно этому сравнению Россия не уступает развитым странам с наименьшими значениями этого показателя, что свидетельствует о высокой степени качества данных.

Стоит сделать оговорку, что пересмотры, касающиеся прошлых периодов, не всегда могут быть хорошим индикатором будущих пересмотров. Однако в работе предпринимается попытка определить текущую неопределенность на основе масштаба предыдущих пересмотров.

На рис. 2 представлены пересмотры темпа прироста ВВП в третьем квартале 2012 г. (SA) в % к соответствующему периоду предыдущего года на протяжении восьми лет, что также

демонстрирует необходимость учета неопределенности на истории.

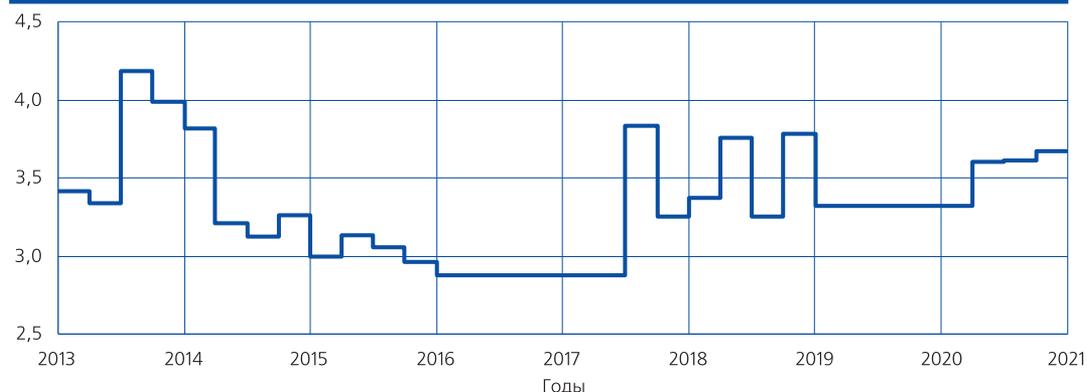
Сравнение характеристик пересмотров

Потенциал для пересмотров означает, что ранние оценки представляют собой «зашумленный» сигнал истинного значения темпа прироста ВВП, который будет получен на основе более зрелых данных, т.е. в более поздних публикациях относительно конкретного квартала.

Пересмотр, в соответствии с формулой (1), рассчитывается как разность между темпом прироста ВВП в момент времени t (нижний индекс), опубликованным в момент времени $t + 20 + 2$ (верхний индекс), и темпом прироста ВВП в тот же момент времени t , опубликованным в момент времени $t + 2$, где 2 квартала – это зрелость данных, что означает, что с момента обследуемого периода идет второй квартал, а 20 кварталов (5 лет) – фиксированная ширина окна пересмотров, поскольку предполагается, что все основные пересмотры происходят в этот период.

$$\omega_t^{20,2} = y_t^{t+20+2} - y_t^{t+2}. \quad (1)$$

Рис. 2. Пересмотры темпа прироста ВВП РФ в третьем квартале 2012 г. (SA), в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: OECD iLibrary и ALFRED archived economic data.

В разных работах применяют различную ширину окна, например 8, 12, 16 кварталов, однако в оригинальной работе Каннингема используется ширина окна пересмотров в 20 кварталов. Смысл этого окна заключается в том, что, согласно предположению, более поздние данные ближе к истинным значениям, поскольку статистическому агентству доступен максимально возможный объем информации.

В качестве меры неопределенности можно использовать стандартное отклонение рассчитанных пересмотров темпов прироста реального ВВП. Небольшое количество кварталов, участвующее в оценивании параметров, объясняется тем, что недавние пересмотры последних публикаций наиболее информативны относительно масштабов неопределенности текущих данных.

Далее все расчеты проведены с помощью данных с устранением сезонности, опубликованных в период со второго квартала 2009 г. по первый квартал 2021 г. ([16] и [8]). Пересмотры темпов прироста ВВП рассчитываются для периода с первого квартала 2004 г. по четвертый квартал 2015 г. с учетом ширины окна пересмотров, равной 20 кварталам.

На рис. 3 представлен график стандартного отклонения пересмотров в зависимости от зрелости данных для России в сравнении с аналогичным показателем для Великобритании. Сравнение показателей двух стран приводится для сопоставимости показателей пересмотров и выявления неопределенности в отечественных данных. Так, для Великобритании более, а для России – менее наглядно, что стандартное отклонение пересмотров убывает с ростом зрелости данных, т.е. можно предположить, что неопределенность убывает с некоторым темпом. Далее будет представлена функциональная форма этой зависимости.

Аналогичным образом убывает среднее пересмотров с ростом зрелости данных, однако то, что они положительные, говорит о том, что данные чаще пересматривают «вверх», чем «вниз». Но необходимо смотреть на отношение среднего пересмотров к дисперсии ряда данных.

Соотношение «шума» и сигнала (см. рис. 4) обеспечивает наиболее наглядную меру для масштаба неопределенности. Мерой «шума» является дисперсия пересмотров в зависимости от зрелости, а мерой сигнала – дисперсия

Рис. 3. Среднее и стандартное отклонения пересмотров темпов прироста ВВП к соответствующему периоду предыдущего года в России и Великобритании (окно пересмотров – 20 кварталов), п.п.

Источник: OECD iLibrary и ALFRED archived economic data, Банк Англии, расчеты автора.

темпов прироста ВВП в последней публикации. Но дисперсия темпов прироста российского ВВП выше аналогичного показателя для Великобритании, чем и объясняется подобное различие в соотношениях «шума» и сигнала. Такое соотношение отличается от обычного графика дисперсии в зависимости от зрелости данных лишь нормировкой на дисперсию самих данных. Однако тот факт, что соотношение убывает, говорит о том, что в данных преобладает «шум», убывающий со временем, а не «новости», при которых пересмотр, наоборот, со временем увеличивается. Под «новостями» следует понимать следующую ситуацию: можно представить предварительную оценку темпа прироста ВВП в виде прогноза – в таком случае пересмотр будет отражать появление непредсказуемых факторов и тогда преобладание «новостей» в данных будет приводить к увеличению соотношения «шума» и сигнала со временем. С подробным обоснованием данного утверждения можно ознакомиться в работе Каннингема и др. [10].

Теоретические аспекты подхода

Перейдем к методу оценивания параметров пересмотров, являющимся неотъемлемой ча-

стью бэккастинга, так же как и учет траекторий альтернативных индикаторов и характеристик временного ряда самих данных.

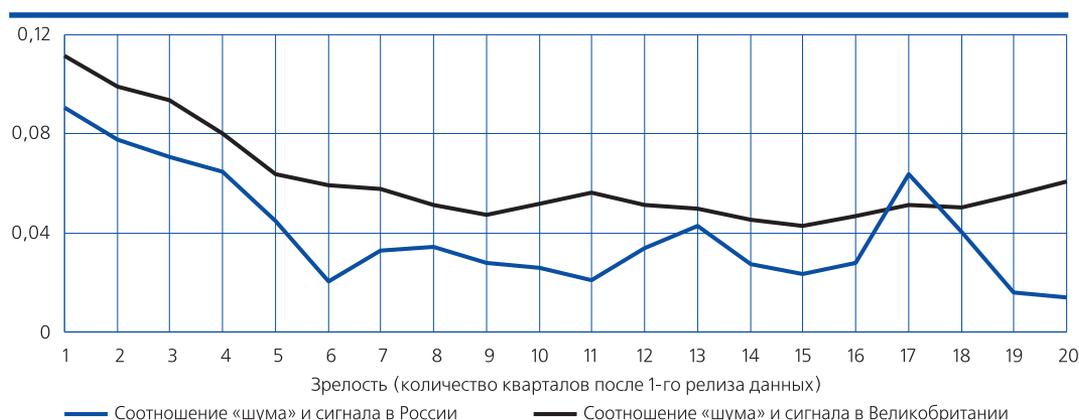
Формула (2) описывает модель публикуемых данных:

$$y_i^{t+n} = y_i + c^n + v_i^{t+n}, \quad (2)$$

где y_i^{t+n} – «зашумленная» оценка, публикуемая статистическим агентством в момент времени $t+n$; y_i – истинное значение темпа прироста ВВП в момент времени t ; c^n – смещение, оцениваемое как среднее пересмотров зрелости n в публикуемых данных; v_i^{t+n} – ошибка измерения истинного значения при зрелости данных n кварталов.

Основное предположение метода заключается в том, что пересмотры улучшают оценку так, что официально опубликованные данные приближаются к истинным значениям с ростом зрелости данных. Поэтому метод предполагает изменение дисперсии и среднего пересмотров в зависимости от зрелости данных. Кроме того, предполагается, что ошибка измерения имеет нормальное распределение с конечной дисперсией, а также автокорреляцию и гетероскедастичность.

Рис. 4. Соотношение «шума» и сигнала (дисперсии пересмотров и дисперсии самих данных) темпов прироста ВВП к соответствующему периоду предыдущего года в зависимости от зрелости данных в России и Великобритании

Источник: OECD iLibrary и ALFRED archived economic data, Банк Англии, расчеты автора.

Автокорреляция (v_t^{t+n}) означает, что существует связь между ошибками измерения внутри одного винтажа – другими словами, ошибка в сегодняшнем, т.е. в момент времени $t+n$, измерении роста в конкретном периоде прошлого t может быть связана с ошибкой в сегодняшнем измерении роста в другом периоде прошлого, например $t-1$:

$$v_t^{t+n} = \beta_1 v_{t-1}^{t+n} + \varepsilon_t^{t+n}. \quad (3)$$

Гетероскедастичность ($\sigma_{\varepsilon_t}^2$) имеет функциональную форму в зависимости от зрелости данных:

$$\sigma_{\varepsilon_t}^2 = \sigma_{\varepsilon_1}^2 \cdot (1 + \delta)^{n-1}, \quad (4)$$

где δ – темп убывания дисперсии ошибок измерения, так что в пределе неопределенность убывает до 0. То есть предполагается, что данные со временем приближаются к истинным значениям, пока их, в итоге, не перестанут пересматривать.

Важным также является предположение о том, что пересмотры, рассчитанные с помощью фиксированного окна, являются хорошими прокси для ошибок измерения, как и предположение о том, что описанные параметры остаются неизменными между различными винтажами. Выполнение этих предпосылок позволяет с помощью предыдущих пересмотров оценить параметры уравнений. Однако при поступлении новой информации параметры могут изменяться, особенно после кризисов, что подтверждается данными Банка Англии по аналогичным параметрам неопределенности, представленными в Monetary Policy Report [15].

На основе уравнений (3) и (4) строится теоретическая ковариационная матрица (5), зависящая от описанных параметров (на диагонали этой матрицы можно увидеть, как убывает дисперсия пересмотров с ростом зрелости данных):

$$\mathbf{V} = \frac{\sigma_{\varepsilon_1}^2}{1 - (1 + \delta)\beta_1^2} \begin{pmatrix} 1 & (1 + \delta)\beta_1 & \dots & (1 + \delta)^{N-1}\beta_1^{N-1} \\ (1 + \delta)\beta_1 & (1 + \delta) & \dots & (1 + \delta)^{N-1}\beta_1^{N-2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ (1 + \delta)^{N-1}\beta_1^{N-1} & (1 + \delta)^{N-1}\beta_1^{N-2} & \dots & (1 + \delta)^{N-1} \end{pmatrix}. \quad (5)$$

Стоит отметить, что более простым способом оценивания параметров неопределенности является метод, учитывающий гетероскедастичность и не учитывающий автокорреляцию. Далее будет показано, к чему приводит упрощенный метод.

Для расчета фактической ковариационной матрицы (5) была использована матрица пересмотров, где в столбцах находятся пересмотры с одинаковой зрелостью n , а в строках – пересмотры из одного винтажа, т.е. публикации. Фактическая ковариационная матрица $\hat{\mathbf{V}}$ рассчитывается как ковариация между столбцами матрицы, содержащими пересмотры с одинаковой зрелостью. С помощью вышеописанных матриц, фактической ковариационной матрицы $\hat{\mathbf{V}}$ и теоретической ковариационной матрицы \mathbf{V} оцениваются необходимые параметры неопределенности:

$$\min_{\beta_1, \sigma_{\varepsilon_1}^2, \delta} (\text{vec}(\mathbf{V}) - \text{vec}(\hat{\mathbf{V}}))' (\text{vec}(\mathbf{V}) - \text{vec}(\hat{\mathbf{V}})). \quad (6)$$

Максимальная зрелость N (см. уравнение (5)) выбирается равной 20 как оптимальная с точки зрения учета последних данных и достаточная для оценивания текущего состояния неопределенности.

Результаты применения подхода

Применение метода Каннингема к российским данным приводит к оценкам, представленным в табл. 1.

Для обоснования необходимости применения метода Каннингема в работе также рассмотрен упрощенный метод оценивания параметров неопределенности – назовем его «теоретическая δ », поскольку упрощенный метод основан только на оценивании параметров уравнения для убывающей дисперсии пересмотров (4) без учета автокорреляции пересмотров. Неопределенность, построенную с помощью параметров, оцененных методом Каннингема,

назовем «теоретической ковариацией», поскольку метод основан на оценивании параметров теоретической ковариации (5). Из рис. 5, на котором показаны траектории неопределенности в зависимости от зрелости данных, построенные с помощью параметров, оцененных рассматриваемыми методами, видно, что упрощенный метод приводит к завышению неопределенности на горизонте до 11 кварталов и к ее занижению на горизонте более 12 кварталов в сравнении с методом Каннингема.

Метод Каннингема также был применен к данным Великобритании, в результате чего были получены оценки параметров, представленные в табл. 2.

На основе сравнения оценок параметров неопределенности, представленных в табл. 1 и 2, можно сделать следующий вывод: по сравнению с Великобританией для России характерна бóльшая неопределенность. Так, для темпов прироста ВВП России оценка дисперсии ошибок измерения при зрелости в один квартал $\widehat{\sigma}_{\varepsilon_1}^2$ равна 1,219, а для Великобритании – 1,066, и, несмотря на то что темп убывания неопределенности $\widehat{\delta}$ для России больше, чем для Великобритании, уровень неопределенности российских данных, при прочих равных, выше, чем британских.

Таблица 1
Параметры неопределенности темпов прироста ВВП России, оцененные методом Каннингема

Параметр	Значение
$\widehat{\delta}$	-0,063
$\widehat{\beta}_1$	0,197
$\widehat{\sigma}_{\varepsilon_1}^2$	1,219

Источник: расчеты автора.

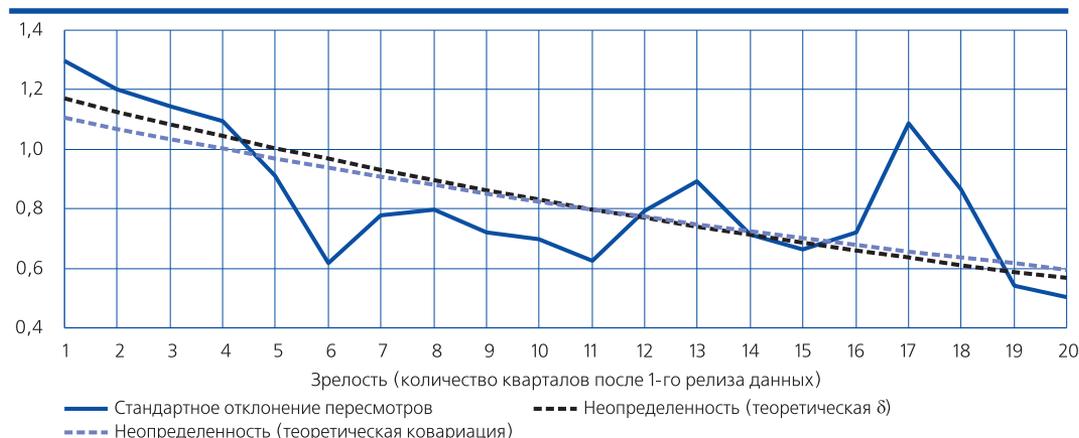
Таблица 2
Параметры неопределенности темпов прироста ВВП Великобритании, оцененные методом Каннингема

Параметр	Значение
$\widehat{\delta}$	-0,057
$\widehat{\beta}_1$	0,449
$\widehat{\sigma}_{\varepsilon_1}^2$	1,066

Источник: расчеты автора.

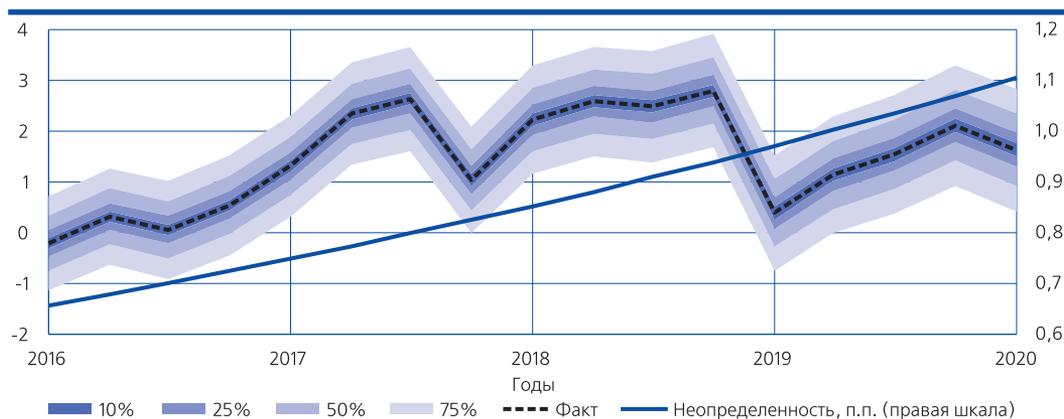
С помощью оцененных параметров неопределенности, представленных в табл. 1, был построен верный график траектории темпов прироста ВВП (см. рис. 6) на винтажных данных от июля 2020 г. с 10-, 25-, 50- и 75%-ными доверительными интервалами.

Рис. 5. Фактическая и оцененная неопределенность ВВП РФ, п.п.

Источник: OECD iLibrary и ALFRED archived economic data, расчеты автора.

Рис. 6. Темпы прироста ВВП России с учетом неопределенности прироста ВВП на истории (окно пересмотров 20 кварталов) с 10-, 25-, 50- и 75%-ными доверительными интервалами (SA), в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат, расчеты автора.

Заключение

С помощью метода Каннингема, который учитывает наличие гетероскедастичности пересмотров в виде уменьшения стандартного отклонения пересмотров со временем и автокорреляции в виде зависимости пересмотров в рамках одной публикации, удалось оценить параметры неопределенности в данных по темпам прироста ВВП России с устранением сезонности с точки зрения пересмотров на истории.

В данных по темпам прироста ВВП России зрелостью 1 квартал неопределенность, оцененная методом Каннингема, оказалась ниже на 6%, чем неопределенность, оцененная более простым методом, учитывающим только гетероскедастичность пересмотров, а в данных зрелостью 20 кварталов, наоборот, — выше на 5%. Также метод Каннингема показал, что темп убывания неопределенности с ростом

зрелости ниже, чем аналогичная оценка, полученная альтернативным методом.

Для России оказалась характерна большая неопределенность в данных по темпам прироста ВВП по сравнению с Великобританией, несмотря на больший темп снижения неопределенности с ростом зрелости.

Описанный в данной работе метод Каннингема можно использовать для оценивания параметров неопределенности темпов прироста не только ВВП, но и компонентов ВВП, также подверженных пересмотрам. А полученные оценки параметров неопределенности можно применять в качестве калибровки уравнений для наблюдаемых переменных, содержащих ошибки измерения. Это приведет к повышению точности бэккастинга и прогнозирования, применяемых при формировании бюджетной и монетарной политики. ■

Литература

1. Астафьева Е.В., Турунцева М.Ю. Пересмотры ВВП: данные и оценка статистических свойств // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 25. № 1. С. 65–101.
2. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики «Динамика и структура ВВП России» / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2019.
3. Гавриленков Е., Струченевский А. Пересмотр статистики по ВВП // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2016. Т. 1. № 94. С. 42–45.
4. Горностаев Д. и др. Пересмотры ВВП: измерение и последствия / Банк России. Аналитическая записка, декабрь 2021 г.
5. Егоршева Н. Росстат объяснил пересмотр ВВП двухлетней давности // Российская газета. 07.02.2017. URL: <https://rg.ru/2017/02/07/rosstat-obiasnil-peresmotr-vvp-dvuhletnej-davnosti.html>
6. Ломская Т. Аналитики ЦБ объяснили рывок экономики России техническими причинами // Ведомости. 14.02.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/02/14/794217-rivok>
7. О чем говорят тренды: макроэкономика и рынки // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России. 2019. Т. 3. № 31.
8. ALFRED archived economic data. URL: <https://alfred.stlouisfed.org/series/downloaddata?seid=NAEXKP01RUQ659S>
9. Bauer P., Kelemen J. Estimation of uncertainty stemming from data revision of Hungarian GDP data // MNB Occasional Papers. 2017. Vol. 129.
10. Cunningham A., Eklund J., Jeffery C., Kapetanios G., and Labhard V. A state space approach to extracting the signal from uncertain data // Journal of Business & Economic Statistics. 2012. Vol. 30. No. 2. Pp. 173–180.
11. Cunningham A. Extracting a better signal from uncertain data // Bank of England Quarterly Bulletin. 2007. Vol. 3. Pp. 364–375.
12. Galvao A., Mitchell J. Measuring Data Uncertainty: An Application using the Bank of England's «Fan Charts» for Historical GDP Growth // WBS EMF Working Paper Series. 2019. Vol. 24. No. 2019–08.
13. Kulikov D. A significant positive revision of industry data is the norm for Russia and many other countries / ACRA. 2020. URL: <https://www.acra-ratings.com/research/>
14. Monetary Policy Report / Bank of England. January 2020.
15. Monetary Policy Report / Bank of England. February 2021.
16. OECD iLibrary. URL: <https://doi.org/10.1787/data-00052-en>
17. Quarterly National Accounts Manual / International Monetary Fund. 2017.

References

1. Astafieva E.V., Turuntseva M.Yu. Revisions of GDP: Data and assessment of statistical properties // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 25. No. 1. Pp. 65–101.
2. Bulletin on current trends in the Russian economy «Dynamics and structure of Russia's GDP» / Analytical Center under the Government of the Russian Federation, 2019.
3. Gavrilencov E., Struchenevsky A. Revision of GDP statistics // Strategic Decisions and Risk Management. 2016. Vol. 1. No. 94. Pp. 42–45.
4. Gornostaev D. et al. Revisions of GDP: Measurement and implications / Bank of Russia. Analytical note, December 2021.
5. Egorshcheva N. Rosstat explained the revision of GDP of two years ago // Rossiiskaya Gazeta. 07.02.2017. URL: <https://rg.ru/2017/02/07/rosstat-obiasnil-peresmotr-vvp-dvuhletnej-davnosti.html>
6. Lomskaya T. The Central Bank analysts explained the breakthrough of the Russian economy by technical reasons // Vedomosti. 14.02.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/02/14/794217-rivok>
7. Talking Trends: Macroeconomics and markets // Bulletin of the Research and Forecasting Department of the Bank of Russia. 2019. Vol. 3. No. 31.
8. ALFRED archived economic data. URL: <https://alfred.stlouisfed.org/series/downloaddata?seid=NAEXKP01RUQ659S>
9. Bauer P., Kelemen J. Estimation of uncertainty stemming from data revision of Hungarian GDP data // MNB Occasional Papers. 2017. Vol. 129.
10. Cunningham A., Eklund J., Jeffery C., Kapetanios G., and Labhard V. A state space approach to extracting the signal from uncertain data // Journal of Business & Economic Statistics. 2012. Vol. 30. No. 2. Pp. 173–180.

11. Cunningham A. Extracting a better signal from uncertain data // Bank of England Quarterly Bulletin. 2007. Vol. 3. Pp. 364–375.
12. Galvao A., Mitchell J. Measuring Data Uncertainty: An Application using the Bank of England's «Fan Charts» for Historical GDP Growth // WBS EMF Working Paper Series. 2019. Vol. 24. No. 2019–08.
13. Kulikov D. A significant positive revision of industry data is the norm for Russia and many other countries / ACRA. 2020. URL: <https://www.acra-ratings.com/research/>
14. Monetary Policy Report / Bank of England. January 2020.
15. Monetary Policy Report / Bank of England. February 2021.
16. OECD iLibrary. URL: <https://doi.org/10.1787/data-00052-en>
17. Quarterly National Accounts Manual / International Monetary Fund. 2017.

Estimation of Uncertainty: Revisions of Russian GDP on History³

Artur R. Sharafutdinov – Graduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Economist of the Monetary Policy Department, Bank of Russia (Moscow, Russia). E-mail: artur.sharafutdinov@phystech.edu

The article is devoted to estimating the uncertainty parameters of Russian GDP on history, that arises as a result of revisions and refinements of data over time. A brief review of the reasons for the revisions allows us to form an understanding of their necessity and importance. For analysis, it is assumed that uncertainty decreases over time and occurs systematically, which is reflected in heteroscedasticity in the form of a decrease in the standard deviation of revisions over time and in autocorrelation in the form of a dependence of revisions within a single publication. Estimation is performed using a parametrized covariance matrix using the Cunningham method.

As an example of visualizing uncertainty in data, fan charts are presented in the work. One of the applications of historical uncertainty estimation is the ability to calibrate parameters to filter true GDP values, as well as the ability to refine forecast uncertainty.

Key words: Russian GDP revisions, GDP uncertainty parameters, vintage data analysis, fan chart plotting.

JEL-codes: C13, C30, C65.

³ This study expresses the personal position of the author, which may not coincide with the official position of the Bank of Russia. The Bank of Russia is not responsible for the content of the study.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ШОКОВ ДОХОДА НА ПОТРЕБЛЕНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

А. Д. ПЕТАЙКИНА

В работе проводится анализ влияния положительных и отрицательных шоков дохода на потребление домашних хозяйств в рамках проверки причин невыполнения классических теорий потребления. Анализ проводится с использованием данных в разрезе отдельных домашних хозяйств, доступных в базе данных RLMS HSE¹ за период с 2006 по 2019 год.

Оценивается регрессия изменения потребления в ответ на положительные и отрицательные изменения дохода с включением в нее фактора существования ограничений ликвидности. Различные спецификации модели свидетельствуют в пользу данного фактора как причины невыполнения гипотезы перманентного дохода.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: потребление домашних хозяйств, шоки дохода, ограничение ликвидности, близорукость потребителей, RLMS.

JEL: С33, Е21, Р36.

Введение

Классическими подходами к описанию динамики потребления домохозяйств являются гипотеза перманентного дохода М. Фридмана [5] и гипотеза жизненного цикла Ф. Модильяни [2]. Согласно гипотезе М. Фридмана в долгосрочном периоде потребление зависит не от уровня текущего, а от уровня перманентного дохода, поскольку на большом горизонте планирования колебания временного дохода компенсируют друг друга, в связи с чем зависимость между доходом и потреблением будет близка к зависимости между перманентным доходом и потреблением.

Идея гипотезы жизненного цикла Ф. Модильяни состоит в том, что индивид, распределяя свои доходы между потреблением и сбережениями, опирается не на величину текущего дохода, а на величину совокупных доходов за весь свой жизненный цикл. Сбережения при этом используются для перераспределения дохода с периодов его высокого уровня на периоды его низкого уровня. Мотивом для долгосрочных сбережений является мотив сбережений на старость, чтобы избежать

падения потребления при значительном снижении дохода в этот период.

Таким образом, согласно двум этим подходам, индивид строит свое потребление не на основе текущего, а на основе некоторого «перманентного» дохода. Так как предполагается, что перманентный доход постоянен (или, по крайней мере, устойчив) во времени, то и потребление домашнего хозяйства остается постоянным во времени.

Однако во многих эмпирических работах выявляются некоторые несоответствия этим гипотезам, поскольку они строятся на таких малореалистичных предположениях, как:

- агенты рациональны в формировании своих ожиданий;
- агенты принимают решение об уровне потребления на основе межвременной функции полезности;
- финансовые рынки совершенны, т.е. агенты могут давать займы или занимать под ожидаемый будущий доход по одной и той же процентной ставке в неограниченном количестве.

Можно выделить несколько причин невыполнения классических теорий:

Петайкина Анастасия Дмитриевна, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: petaykina-ad@ranepa.ru

¹ Данные доступны по ссылке: <https://www.hse.ru/rlms/spss>

- близорукость экономических агентов;
- мотив предосторожности;
- ограничения ликвидности.

Так, в работе М. Флавина [4] было выявлено, что избыточная чувствительность потребления к текущему доходу значительно больше нуля как статистически, так и количественно. Это говорит о том, что потребление реагирует на изменения во временном доходе, свидетельствуя в пользу несостоятельности классических гипотез. В качестве причины их невыполнения автор выделяет существование ограничений ликвидности.

В работе Д. Ши [8], с использованием квартальных данных по домашним хозяйствам США за период с 1956 по 1988 г., также проводится проверка гипотезы перманентного дохода, в том числе с выявлением возможных причин ее невыполнения. Подход автора основывается на том, что и близорукость потребителей, и ограничения ликвидности непосредственно отражаются в поведении потребителей. При близорукости экономических агентов потребление напрямую зависит от текущего дохода, поэтому агент должен одинаково реагировать на предсказуемое увеличение и уменьшение доходов. В условиях существования ограничений ликвидности гипотеза перманентного дохода/гипотеза жизненного цикла не выполняется, поскольку агенты ограничены в возможности взять кредит для сглаживания текущего потребления. Автор приходит к выводу, что потребление должно больше коррелировать с прогнозируемым ростом доходов, а не с их снижением.

Вместе с тем, на основе полученных оценок, Д. Ши констатирует, что ни близорукость потребителей, ни существование ограничений ликвидности не являются причинами невыполнения классической гипотезы.

В работе Д. Кристелиса и др. [3] эффект от существования ограничений ликвидности был проанализирован с использованием двухпериодной модели. Авторы рассчитали средние значения предельной склонности к замещению от дохода для положительных и отрицатель-

ных шоков дохода и обнаружили, что средняя величина *предельной склонности к потреблению* (MPC) для отрицательных шоков дохода превышает среднюю величину MPC для положительных шоков дохода. Таким образом, потребительский выбор агента в большей степени реагирует на отрицательные шоки дохода, а не на положительные.

В настоящей работе ставится задача проанализировать влияние положительных и отрицательных шоков дохода на потребление домашних хозяйств с точки зрения причин невыполнения классических гипотез, которые были представлены ранее. Анализ проводится на основе данных по отдельным домашним хозяйствам, доступных в базе данных RLMS HSE.

Наиболее близкой к настоящему исследованию является работа М.О. Мамедли [1], в которой, с использованием агрегированных данных по российским домашним хозяйствам за период с января 2005 по май 2015 гг., проведен анализ реакции потребления на положительные и отрицательные приросты дохода на основе подхода, предложенного Д. Ши. Автор приходит к выводу, что гипотеза перманентного дохода не выполняется, однако причиной этого не являются ни существование ограничений ликвидности, ни близорукость потребителей.

Работа построена следующим образом. В первом разделе описана структура данных, на основе которых проведено исследование, во втором представлена эконометрическая спецификация, а в третьем приводятся результаты эконометрического анализа.

Описание данных

Для проведения анализа были взяты данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS) НИУ ВШЭ. Эта база содержит информацию по различным категориям потребления, сбережений, доходов домашних хозяйств, которая собирается в рамках ежегодных опросов (волн) населения. Также имеется достаточно широ-

кое описание индивидуальных характеристик как самих домашних хозяйств, так и индивидов, входящих в них.

Данные были взяты за период с 2006 по 2019 гг. и включают от 4824 до 6516 домашних хозяйств из 32 регионов России, которые были опрошены в рамках одной волны. Для того чтобы иметь возможность «соединить» волны между собой, используется идентификационный номер домашнего хозяйства, единый для всех волн обследования. Соединение волн во времени позволяет отслеживать поведение одного домашнего хозяйства во времени.

Поскольку по некоторым важным показателям в базе данных пропущены значения, их необходимо заполнить. Рассмотрим процесс заполнения этих значений более детально:

– **Продукты питания.** База данных содержит информацию о физическом количестве, а также о денежной стоимости покупок за последнюю неделю для более чем 50 категорий продуктов питания, включая алкогольные и безалкогольные напитки и табачные изделия. Чтобы получить данные за месяц, это число умножается на $30/7 = 4,284$. И хотя база данных содержит вопрос об общей стоимости покупок продуктов питания за последние 30 дней, эта переменная может потенциально иметь большую ошибку измерения, поэтому в настоящей работе эта переменная не учитывается.

Когда домашнее хозяйство приобрело товар (ответило «да» на вопрос «Приобретали ли вы ...?»), но не указало количество или стоимость приобретенного блага, применяется заполнение пропущенных значений. Для этого строится нейронная сеть с двумя скрытыми слоями. В качестве входных переменных используются фиктивные переменные на регион и тип населенного пункта, в котором расположено домашнее хозяйство, а также переменные, отвечающие за размер домашнего хозяйства, число молодых (до 16 лет), а также пожилых (старше 60 лет) членов домашнего хозяйства. (Аналогичный подход к заполнению пропущенных значений был использован в работе

Ю. Городниченко и др. [6].) Нейронная сеть обучается на имеющихся данных, а затем строятся прогнозы для пропущенных значений.

– **Потребление выращенных самостоятельно продуктов питания.** База данных содержит информацию о физическом количестве продуктов, произведенных и потребленных самостоятельно. Эти переменные также имеют пропущенные значения. Для их заполнения строится нейронная сеть, входными переменными которой являются переменные, описанные выше (фиктивные переменные на регион и тип населенного пункта, в котором расположено домашнее хозяйство, и, кроме того, переменные, отвечающие за размер домашнего хозяйства, число молодых (до 16 лет), а также пожилых (старше 60 лет) членов домашнего хозяйства). Обучение нейронной сети происходит аналогичным образом.

Проблема учета продуктов, выращенных самостоятельно, заключается в том, что об их потреблении известно только физическое количество, но неизвестна сумма в денежном выражении. Для решения этой проблемы были рассчитаны цены для каждой категории товаров, выращиваемых самостоятельно, исходя из физического количества и суммы в денежном выражении, которую домашнее хозяйство потратило на покупку аналогичных категорий товаров. Эти цены были усреднены по регионам. С помощью найденных цен было рассчитано потребление выращенных самостоятельно продуктов питания.

– **Другие категории потребления.** Заполнение пропущенных значений производилось аналогичным образом (с помощью прогнозов на основе нейронной сети). Из рассмотрения было исключено потребление товаров длительного пользования (данные по расходам на транспорт, предметы домашнего обихода и бытовую технику).

– **Доход и сбережения по различным категориям.** В текущей базе данных представлены сведения по различным категориям доходов, таким как трудовой доход, финансовый доход, доход от продажи выращенных

самостоятельно продуктов питания, а также различные субсидии, трансферты и льготы. Кроме того, имеются данные по различным категориям сбережений: инвестиции в ценные бумаги, в валюту; деньги, отложенные с целью сбережений; деньги, данные в долг; а также информация по изменению сбережений. Все данные представлены за последние 30 дней. Заполнение пропущенных значений также проводилось с использованием нейронной сети.

Описанные переменные суммировались в три основные категории – «потребление», «доход» и «сбережения». Для проведения исследования переменные были преобразованы в первые разности. Поскольку не все домашние хозяйства обследовались каждый год, не для всех из них можно наблюдать временной ряд длиной в 14 периодов. Кроме того, для некоторых домашних хозяйств этот временной ряд может прерываться.

С целью проверки наличия ограничений ликвидности необходимо определить факторы, которые могут свидетельствовать об этих ограничениях. На основе обзора эмпирической литературы было выделено несколько таких факторов – процентная ставка, разница в процентных ставках по кредитам и депозитам и уровень безработицы. Для проведения этого анализа были собраны данные по средневзвешенным процентным ставкам по потребительским кредитам и уровню безработицы в регионах России. Также в качестве фактора был принят спред (разница) между средневзвешенными процентными ставками по потребительским кредитам и депозитам. Данные по ставкам были взяты с сайта Центрального банка РФ.

Перечень используемых переменных, их краткое описание и источники данных приведены в табл. 1. Для целей исследования все номинальные значения переменных были скор-

Таблица 1
Описание данных

Переменная	Описание	Источник
Зависимые переменные		
<i>Consumption</i> , $\Delta c_{(i,t)}$	Потребление домашними хозяйствами товаров и услуг, в том числе собранных на своей земле, исключая товары длительного пользования. Взята разница между уровнями потребления соседних периодов	RLMS
Объясняющие переменные		
<i>Income shock</i> , $\Delta y_{(i,t)}$	Трудовой доход домашних хозяйств, в том числе от продажи продуктов, выращенных на своей земле. Взята разница между уровнями дохода соседних периодов	RLMS
<i>Savings</i> , $S_{(i,t)}$	Сбережения домашних хозяйств, в том числе инвестированные в различные финансовые инструменты	RLMS
Инструментальные переменные		
<i>Loan rate</i> , r_l	Средневзвешенная процентная ставка по среднесрочным (до 3 лет) потребительским кредитам	ЦБ РФ
<i>Deposit rate</i> , r_d	Средневзвешенная процентная ставка по краткосрочным (до 1 года) депозитам	ЦБ РФ
<i>Spread</i> , Δr	Разница между процентной ставкой по долгосрочным потребительским кредитам и по депозитам физических лиц	ЦБ РФ
<i>Unemployment</i>	Уровень безработицы	Росстат
<i>Region</i>	Регион проживания домашнего хозяйства	RLMS
<i>Status</i>	Тип населенного пункта, в котором проживает домашнее хозяйство	RLMS
<i>Size</i>	Размер домашнего хозяйства	RLMS
<i>Young</i>	Число членов домашнего хозяйства младше 16 лет	RLMS
<i>Senior</i>	Число членов домашнего хозяйства старше 60 лет	RLMS

Источник: составлено автором.

ректированы на инфляцию и приведены к ценам 2010 г.

Спецификация модели

В работе анализируются две причины невыполнения классических теорий.

Первая причина – близорукость потребителей, согласно которой агент выбирает текущий уровень потребления либо на основе только текущего дохода, либо на основе приведенной стоимости некоторой части его доходов, но не всех доходов за всю жизнь агента.

Вторая причина – существование ограничений ликвидности. Заимствование под будущие доходы сегодня возможно только в том случае, если домашнее хозяйство уже располагает определенными средствами. Поскольку в периоды кризисов доля постоянного дохода в совокупном доходе снижается, последний становится более волатильным, а значит, у домашнего хозяйства становится меньше возможностей взять кредит, для того чтобы стабилизировать текущее потребление. В такой ситуации потребление агента ограничивается текущим доходом, и, следовательно, текущее потребление и временный доход будут положительно коррелировать. При этом потребление, скорее всего, будет в большей степени реагировать на отрицательные шоки дохода, а не на положительные.

Для того чтобы проверить, какая из причин наблюдается в представленных данных, оценивается следующая модель:

$$\Delta c_{\{i,t\}} = \mu + \beta_1 \Delta y_{\{i,t\}} (>0) + \beta_2 \Delta y_{\{i,t\}} (<0) + \gamma F_{\{i,t\}} + \rho \Delta S_{\{i,t\}} + \varepsilon_{\{i,t\}},$$

где $\Delta c_{\{i,t\}}$ – изменение текущего потребления; $\Delta y_{\{i,t\}} (>0)$ – положительное изменение текущего дохода; $\Delta y_{\{i,t\}} (<0)$ – отрицательное изменение текущего дохода; $F_{\{i,t\}}$ – фактор наличия ограничений ликвидности; $\Delta S_{\{i,t\}}$ – объем сбережений домашнего хозяйства.

Проверяются следующие гипотезы:

1. $\beta_1 = \beta_2 > 0$.
2. $\beta_1 < \beta_2$.

Если не отвергается первая гипотеза, то гипотеза перманентного дохода не подтверждается, а причиной ее невыполнения выступает близорукость потребителей. Если первая гипотеза отвергается в пользу второй, то причиной невыполнения гипотезы перманентного дохода выступает наличие ограничений ликвидности.

В качестве фактора наличия ограничения ликвидности были взяты три показателя – процентная ставка по среднесрочным (до 3 лет) потребительским кредитам, разница в процентных ставках по среднесрочным потребительским кредитам и краткосрочным (до 1 года) депозитам физических лиц и уровень безработицы. Поскольку в открытых источниках нет данных по средневзвешенным процентным ставкам по кредитам и депозитам физических лиц в региональном разрезе, то ставки брались одинаковыми для всех домохозяйств в определенный период времени. Данные по безработице имеются в региональном разрезе, поэтому они различаются для каждого региона и периода времени. Таким образом, в работе оцениваются три спецификации модели.

В работе Р. Миченера [7] было показано, что изменение реальной процентной ставки во времени может привести к тому, что потребление будет чрезмерно чувствительным к доходу. Это говорит о том, что невключение процентной ставки в оцениваемое уравнение может привести к изменению значений коэффициентов β_1 и β_2 из-за пропущенной переменной. Таким образом, для получения корректных оценок необходимо включить в уравнение процентные ставки напрямую.

Если же говорить о необходимости включения в уравнение уровня безработицы, то мы обращаемся к работе М. Флавина [4], в которой проводилось оценивание аналогичной модели в разных спецификациях – с включением и без включения в нее уровня безработицы. Автор приходит к выводу, что в результате включения в модель этой переменной оценки чувствительности потребления к шоку дохода

значимо меняются, что свидетельствует в пользу включения в модель уровня безработицы напрямую, так как иначе возникает проблема пропущенной переменной.

Результаты оценивания модели

В табл. 2 представлены результаты оценивания трех спецификаций модели. Как видно из таблицы, во всех спецификациях не отвергается гипотеза о существовании ограничений ликвидности. Для спецификаций модели, где в качестве фактора наличия ограничений ликвидности взяты процентная ставка по потребительским кредитам и спред между процентными ставками по потребительским кредитам и депозитам, чувствительность изменения потребления к положительным шокам дохода примерно в три раза ниже, чем чувствительность к негативным шокам дохода. При этом значимое влияние на потребление оказывают и сами процентные ставки: чем выше ставки по кредитам (и, соответственно, чем больше разница между ставками по кредитам и депозитам), тем сильнее падает уровень потребления. Это объясняется тем, что при высокой процентной ставке по кредиту домашнему хозяйству сложнее его получить. При невозможности же получить кредит, чтобы сгладить влияние негативного шока дохода на потребление, домашнему хозяйству приходится сокращать свое потребление.

Если обратиться к третьей спецификации модели, где в качестве фактора существования ограничений ликвидности выступает уровень безработицы, то результаты ее оценивания также свидетельствуют о существовании ограничений ликвидности, однако сам уровень безработицы не оказывает значимого влияния на изменение потребления домашних хозяйств.

Заметим также, что первая и вторая оцененные спецификации лучше объясняют изменение потребления в ответ на различные шоки по сравнению с третьей спецификацией (R^2 в них равен соответственно 0,243 и 0,218 против 0,092 в третьей модели). Это говорит о том, что уровень безработицы как фактор существования ограничений ликвидности, вероятно, не так хорошо объясняет потребительское поведение.

Действительно, при включении в модель процентных ставок ограничения ликвидности могут определяться непосредственно: при повышении процентных ставок по кредитам все меньшее число домашних хозяйств может воспользоваться ими для поддержания текущего уровня потребления при наступлении негативного шока дохода. Аналогичная закономерность наблюдается и при использовании разницы в процентных ставках по кредитам и депозитам.

Таблица 2
Результаты оценивания модели

Коэффициент	Модель 1 (F – процентные ставки по кредитам)	Модель 2 (F – спред процентных ставок)	Модель 3 (F – уровень безработицы)
β_1	0,191** (0,084)	0,193** (0,090)	0,123 (0,096)
β_2	0,579*** (0,090)	0,585*** (0,084)	0,612** (0,101)
ρ	-0,141*** (0,061)	-0,144*** (0,062)	-0,084*** (0,066)
γ	-426,813*** (118,76)	-317,567*** (127,236)	222,990 (388,518)
R^2	0,243	0,218	0,092

Примечание. Уровни значимости коэффициентов: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: составлено автором.

При включении же в модель уровня безработицы его влияние на потребительское поведение может стать неочевидным. Да, если уровень безработицы повышается, то часть экономических агентов теряет работу, а значит, они не могут взять кредит на текущие нужды, поскольку теперь у них нет подтвержденного дохода, без которого практически ни один банк не выдаст кредит (поскольку велика вероятность его невозврата). Однако при этом корреляция между уровнем безработицы и его влиянием на потребительское поведение может быть нелинейной.

Таким образом, согласно результатам оценивания, все три спецификации модели свидетельствуют в пользу существования ограничений ликвидности.

Выводы

В работе проанализировано влияние положительных и отрицательных шоков дохода на потребление домашних хозяйств в рамках ве-

рификации причин невыполнения классических гипотез потребления. В частности, рассматривались две таких причины – близорукость потребителей и существование ограничений ликвидности.

В рамках проверки причин невыполнения классических гипотез потребления на основе данных о домашних хозяйствах России оценивалась регрессия изменения потребления на положительные и отрицательные изменения дохода с включением в нее фактора существования ограничений ликвидности (уровень безработицы, средне-взвешенная ставка по среднесрочным потребительским кредитам, разница между ставками по потребительским кредитам и депозитам). В результате все три рассмотренные спецификации модели с использованием трех различных факторов свидетельствовали в пользу ограничений ликвидности как причины невыполнения гипотезы перманентного дохода. ■

Литература / References

1. Мамедли М.О. Гипотеза перманентного дохода, недальновидность потребления и ограничения ликвидности в России // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 49–57. / Mamedli M.O. The permanent income hypothesis, shortsighted consumption and liquidity constraints in Russia // Journal of Economic Theory. 2015. No. 4. Pp. 49–57.
2. Ando A., Modigliani F. The «life cycle» hypothesis of saving: Aggregate implications and tests // The American Economic Review. 1963. Vol. 53. No. 1. Pp. 55–84.
3. Christelis D. et al. Asymmetric consumption effects of transitory income shocks // The Economic Journal. 2019. Vol. 129. No. 622. Pp. 2322–2341.
4. Flavin M. Excess sensitivity of consumption to current income: liquidity constraints or myopia? // NBER Working Paper. 1984. No. 1341.
5. Friedman M. The permanent income hypothesis // A theory of the consumption function. Princeton University Press, 1957. Pp. 20–37.
6. Gorodnichenko Yu., Peter K.S., Stolyarov D. Inequality and volatility moderation in Russia: Evidence from micro-level panel data on consumption and income // Review of Economic Dynamics. 2010. Vol. 13. No. 1. Pp. 209–237.
7. Michener R. Permanent income in general equilibrium // Journal of Monetary Economics. 1984. Vol. 13. No. 3. Pp. 297–305.
8. Shea J. Myopia, liquidity constraints, and aggregate consumption: A simple test // Journal of Money, Credit and Banking. 1995. Vol. 27. No. 3. Pp. 798–805.

Impact of Positive and Negative Income Shocks on Household Consumption

Anastasia D. Petaykina – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: petaykina-ad@ranepa.ru

The paper analyzes the impact of positive and negative income shocks on household consumption as part of checking the reasons for non-fulfillment of classical consumption theories. The analysis is carried out using data for the period from 2006 to 2019 for individual Russian households available in the RLMS HSE².

The regression of changes in consumption in response to positive and negative changes in income is estimated with the inclusion of the existence of liquidity constraints. The various specifications of the model argue in favor of the existence of liquidity constraints as the reason for the non-fulfillment of the permanent income hypothesis.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Key words: household consumption, income shocks, liquidity constraints, myopia, RLMS.

JEL-codes: C33, E21, P36.

² Data is available at <https://www.hse.ru/rlms/spss>

Промышленность

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЯНВАРЕ-ОКТАБРЕ 2022 г.¹

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

В январе-октябре 2022 г. промышленное производство показало медленный рост. Основной вклад в него внесли пищевая промышленность, текстильное и швейное производство, металлургия и машиностроение. Рост, в том числе, был связан с замещением иностранных брендов отечественными товарами и/или увеличением спроса на продукцию, используемую населением регионов, которые граничат с зоной проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: промышленность, сектора экономики, добывающая промышленность, обрабатывающие производства, Росстат, санкции.

JEL: L16, L6, L7, L8, L9.

Для корректной интерпретации имеющихся тенденций в отдельных отраслях необходимо проводить декомпозицию их выпуска на составляющие: календарную, сезонную, нерегулярную и трендовую²; содержательный интерес представляет интерпретация последней. Экспертами Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара была осуществлена очистка рядов индексов всех отраслей промышленного производства за 2003–2021 гг. от сезонной и календарной компонент и выделена трендовая составляющая³ на основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом по индексам производства в промышленных секторах экономики.

Результаты обработки ряда для индекса промышленного производства в целом представлены на рис. 1. На рис. 2 показан результат

для агрегированных индексов добывающего и обрабатывающего секторов, а также производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Для остальных рядов результаты декомпозиции представлены в таблице.

За январь-октябрь 2022 г. трендовая составляющая индекса промышленного производства показала медленный рост – в основном за счет обрабатывающих производств, в частности металлургии, нефтехимии и производства пищевых продуктов.

Трендовая составляющая добывающей отрасли также продемонстрировала в этот период медленный рост. Объемы добычи и экспорта нефти увеличивались до сентября 2022 г., а в октябре добыча снизилась к аналогичному периоду предыдущего года на 0,6%, экспорт – на 1%. В начале октября страны ОПЕК+ дого-

Каукин Андрей Сергеевич, и.о. руководителя Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

¹ Авторы выражают признательность М. Турунцевой и Т. Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

² «Трендовая составляющая» – используемый в литературе устоявшийся термин, однако компонента не является «трендом» в строгом смысле, используемом в эконометрике при анализе временных рядов. В данном случае это именно остаток от выделения из ряда календарной, сезонной и нерегулярной составляющих. «Трендовую составляющую» некорректно использовать для прогнозирования временных рядов. Для большинства индексов промпроизводства она нестационарна в уровнях (и стационарна в разностях), однако она может быть использована для интерпретации краткосрочной динамики и ее сопоставления с имевшими место событиями.

³ Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

ворились о сокращении с ноября 2022 г. общей суточной добычи нефти на 2 млн барр./сут. от утвержденных в августе квот. Согласно установленному графику Россия должна снизить объемы суточной добычи на 0,4 млн барр./сут. – до 10,5 млн барр./сут.⁴ По-видимому, уменьшение объемов добычи в октябре было обусловлено подготовкой к выполнению этой договоренности.

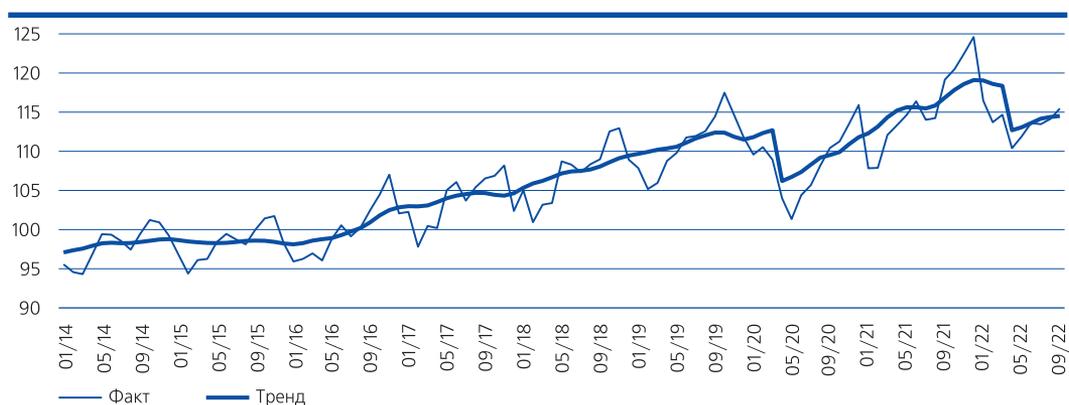
Объемы добычи газа и его экспорт в страны дальнего зарубежья в январе-октябре 2022 г. сократились в годовом выражении. Причиной этого стали проблемы на экспортных трубопроводах в направлении Европы: во-первых, в мае 2022 г. был более чем вдвое снижен транзит газа через Украину, так как страна отказалась согласовывать поставки через Донбасс; во-вторых, в конце августа полностью остановились поставки по трубопроводу «Северный поток» (мощность 55 млрд куб. м в год) из-за неисправности перекачивающего газ оборудования; в-третьих, введенные санкции и ответные действия России⁵ с февраля 2022 г. привели к невозможности прокачки по газопроводу Ямал-Европа через Польшу (мощность 33 млрд куб. м в год).

Экспорт российского газа в Европу сейчас осуществляется по одной из веток «Турецкого потока» (33 млн куб. м в сутки) и транзитом через Украину (43 млн куб. м в сутки). К тому же страны ЕС договорились снизить с 1 августа 2022 г. по 31 марта 2023 г. спрос на газ на 15% по сравнению со средним потреблением за последние пять лет. Вслед за экспортом падает и добыча газа. Рост в рассматриваемый период наблюдался в перевалке сжиженного газа в российских портах, что может быть связано с наращиванием объемов экспорта перед ужесточением санкций.

В рассматриваемый период увеличились объемы добычи бурого угля, который используется как топливо на тепловых электростанциях и в котельных, и сократились объемы добычи и экспорта коксующегося угля из-за инфраструктурных ограничений на линиях железных дорог Дальнего Востока и конкуренции со стороны других грузов, которые были переориентированы на восток после введения санкций.

Трендовая составляющая обрабатывающего сектора по итогам января-октября 2022 г. показала рост. Основной вклад в него внесли:

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2022 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

⁴ 33rd OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting / OPEC. 05.09.2022. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7021.htm

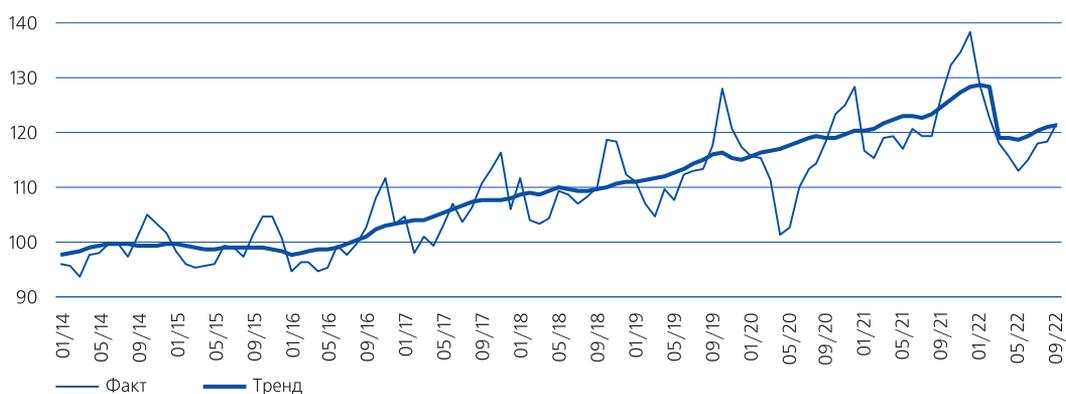
⁵ Введение оплаты за газ российскими рублями. Польша отказалась платить за газ российской валютой, в связи с чем поставки газа по данному направлению прекратились.

Рис. 2. Динамика индексов производства по отраслям в 2014–2022 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

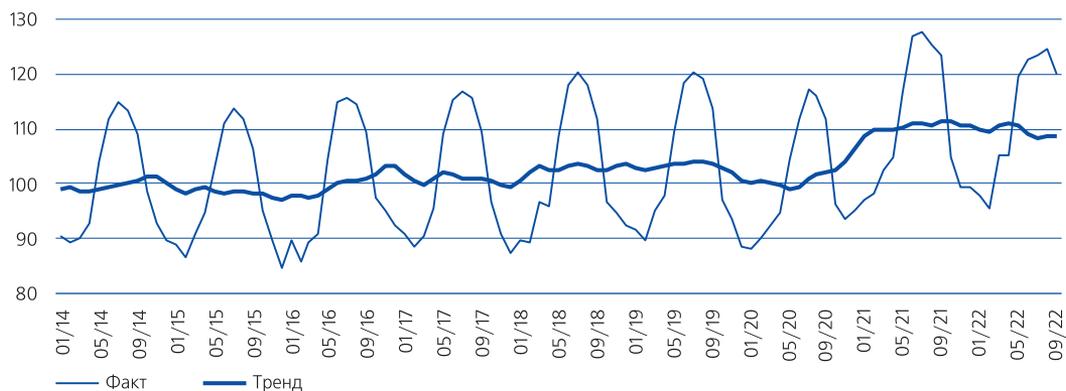
Добыча полезных ископаемых

Обрабатывающая промышленность

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды

Источник: Росстат, расчеты авторов.

- пищевая промышленность — частично по причине ухода с рынка иностранных производителей, отчасти из-за роста производства различного вида консервов, круп и других товаров длительного пользования; последнее обстоятельство, скорее всего, было обусловлено повышением спроса на данную продукцию у населения регионов, граничащих с территорией проведения СВО;
- текстильное и швейное производство — как и пищевая промышленность, частично по причине ухода с рынка иностранных конкурентов, а также за счет расширения спроса на спецодежду, костюмы и комплекты мужские из текстильных материалов, сумки и дорожные наборы, используемые для личной гигиены, шитья либо чистки одежды или обуви;

Изменение индекса выпуска по отраслям экономики в сентябре 2022 г., в %

Отрасли	Доля в индексе промышленного производства	Сентябрь 2022 г. к сентябрю 2021 г.	Сентябрь 2022 г. к июню 2022 г.	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		98,00	100,79	Медленный рост
<i>Добыча полезных ископаемых</i>	<i>34,54</i>	<i>97,20</i>	<i>100,93</i>	<i>Медленный рост</i>
<i>Обрабатывающие производства</i>	<i>54,91</i>	<i>97,46</i>	<i>101,89</i>	<i>Рост</i>
в том числе:				
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	109,36	102,63	Рост
Текстильное и швейное производство	1,14	102,40	104,22	Рост
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	95,22	99,08	Медленный спад
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	80,58	95,15	Спад
Целлюлозно-бумажное производство	3,35	78,75	94,39	Спад
Производство кокса, нефтепродуктов	17,25	99,76	100,76	Медленный рост
Химическое производство	7,56	105,50	100,99	Медленный рост
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	97,87	102,19	Рост
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	96,03	98,20	Спад
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	111,60	104,28	Рост
Производство машин и оборудования	6,97	96,98	100,92	Медленный рост
Производство электрооборудования, электрического и оптического оборудования	6,27	97,18	99,78	Стагнация
Производство транспортных средств и оборудования	6,75	90,64	103,98	Рост
Прочие производства	2,42	92,34	99,90	Стагнация
<i>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды</i>	<i>13,51</i>	<i>97,74</i>	<i>99,73</i>	<i>Стагнация</i>
<i>Оптовая торговля</i>		<i>78,51</i>	<i>96,79</i>	<i>Медленный рост</i>
<i>Розничная торговля</i>		<i>90,40</i>	<i>100,93</i>	<i>Медленный рост</i>
<i>Грузооборот</i>		<i>94,07</i>	<i>97,69</i>	<i>Спад</i>
<i>Строительство</i>		<i>106,76</i>	<i>102,11</i>	<i>Рост</i>
<i>Сельское хозяйство</i>		<i>105,02</i>	<i>101,20</i>	<i>Медленный рост</i>
<i>Объемы платных услуг населению</i>		<i>101,57</i>	<i>100,44</i>	<i>Медленный спад</i>

Источник: Росстат, расчеты авторов.

- металлургия — за счет роста обработки алюминия, производства труб и конструкций из алюминия, необходимых для строительства теплотрасс и восстановления энергетической инфраструктуры на присоединенных территориях, а также за счет увеличения производства цветных металлов, в частности золота (повышение спроса на драгоценные металлы обусловлено украинским кризисом и высоким уровнем инфляции почти всех ведущих мировых валют);
- машиностроение — за счет роста производства тракторов для сельского хозяйства (вследствие повышения спроса на них из-за высоких урожаев) и машин кузнечно-прессовых, магистральных электровозов (из-за замещения части спроса на импортную продукцию).

В январе-октябре 2022 г. наблюдался рост ряда других отраслей: в торговле — за счет ухो-

да крупных игроков в недовольственном сегменте России и проведения распродаж их продукции; в строительстве — за счет ремонта и строительства инфраструктуры на присоединенных территориях. Грузооборот падал в силу ограничения на перевалку морскими путями продукции ТЭК и низкой пропускной способности железнодорожных путей в восточном направлении.

Можно ожидать, что в 2023 г. динамика российской промышленности будет во многом определяться состоянием нефтегазового сектора, в частности такими факторами, как вступление в силу эмбарго и «ценовых потолков»; переориентация этого и других сегментов российского экспорта на новые направления; соответствующее развитие транспортной инфраструктуры, а также тем, насколько эффективно отечественные производители продолжат выстраивать новые логистические цепочки и цепочки поставок. ■

Industrial Production Dynamics in January-October 2022

Andrey S. Kaukin — Acting Head of the Scientific Direction «Real sector» of the Gaidar Institute for Economic Policy; Head of Department for System Analysis of Sectorial Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kaukin@ranepa.ru

Eugenia M. Miller — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

In January-October 2022 industrial production demonstrated sluggish growth. The main contribution was made by the food industry, textile and garment production, metallurgy, and machine-building. The growth, among other things, was due to the replacement of foreign brands with domestic products and/or an increase in demand for products used by the regional population that bordered the zone of a special military operation.

Key words: industry, sectors of the economy, mining industry, manufacturing industries, Rosstat, sanctions.

JEL-codes: L16, L6, L7, L8, L9.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (октябрь 2022 г. – январь 2023 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
Т. В. СЕРЖАНТОВА

В октябре 2022 г. максимального значения за всю историю наблюдений достиг уровень загрузки производственных мощностей – 89%. Уровень загрузки наличной рабочей силы также был довольно высок – 95% – в тройке «максимумов» за 30 лет. Уровень запасов непроданной готовой продукции, если принимать нормальный уровень за 100%, сокращался третий месяц подряд и был довольно низким – 76%. Тогда как уровень заказов за месяц вырос сразу на 10 пунктов и достиг 105% – максимального значения с 1991 г. Доля предприятий в «хорошем» или «нормальном» финансовом состоянии составила 90%, что является лучшим результатом 2022 г., а выше оно было лишь однажды – в декабре 2018 г. Доля предприятий, у которых задолженности банкам нет и не ожидается в ближайшие три месяца, составила 51% – максимум за два года.

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей, банкротство, экономическая политика, продолжительность кризиса.

JEL: D22, D24, G31, L23, P23.

ОКТАБРЬ 2022 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 10% предприятий – участников опроса, о неизменности сообщили 79%, о повышении – 10%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 46%, не менялись – у 41% и у 13% – снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 20% респондентов, благоприятный – 13%. По мнению остальных 68%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали представители

лесопромышленного комплекса, химической промышленности и в металлургии (по 35%), а также в пищевой промышленности (25%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили около 28% предприятий, о сохранении на прежнем уровне – 60%, о снижении – 13%. В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц увеличилась на 1% (в предыдущем месяце также выросла на 1%).

Для промышленных предприятий-респондентов ее средний уровень составил 54 000 руб., а для сельскохозяйственных – 39 000 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в промышленности 132 000 руб., а в сельском хозяйстве – около 50 000 руб.

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; Егоров Андрей Станиславович, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; Баширова Инесса Анатольевна, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: bashirova@imemo.ru; Сержантова Татьяна Валентиновна, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: serzhantova@imemo.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

Занятость и производство

Около 46% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 21% отметили ее сокращение и 33% – увеличение.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 41% руководителей, 18% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 41% – уменьшение.

Инвестиции

Около 8% респондентов отметили рост закупок оборудования, 45% указали на неизменность данного показателя и 21% – на его сокращение. Остальные – 26% предприятий – не закупали оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в сентябре 2022 г. – 25%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 78% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад – 96%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 49% предприятий остался неизменным, у 26% он пополнился и у 26% – «похудел». Рост заказов отмечали в основном в машиностроении и металлургии (по 38%), а также в химической промышленности (35%).

В среднем по выборке объем заказов составил 105% от нормального месячного уровня (в сентябре – 95%). Самым высоким уровнем заказов в октябре 2022 г. оказался в машиностроении (120%) и в металлургии (113%), а самым низким он был у производителей строительных материалов (63%).

Запасы готовой продукции

Около 20% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 43% отметили их уменьшение и около 37% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 76% от нормального для

этого месяца уровня (месяц назад – 87%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы на предприятиях легкой промышленности (108%), в химической промышленности (107%) и у металлургов (102%), а самыми незначительными – у производителей строительных материалов (43%), на предприятиях машиностроения (63%) и лесопромышленного комплекса (65%).

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 89% от нормального уровня (в предыдущем опросе – 87%). Около 6% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 60% – более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия химической (98%) и легкой (93%) промышленности, пищевой отрасли и машиностроения (по 91%), а самой низкой она была у производителей строительных материалов (72%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 95% от нормального уровня (в предыдущем месяце – 93%). На 4% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2, а у 78% участников опроса ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 21% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», 69% посчитали его «нормальным» и 10% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Угроза банкротства

В октябре 2022 г. никто не посчитал ее реальной в ближайшие один-два года, нереальной ее считали 77%, остальные затруднились с оценкой.

Экономическая политика

Экономическую политику правительства последних трех-четырёх месяцев понимали 36%

руководителей промышленных предприятий, а соглашался с ней — 21%. Не понимающих и не согласных было 26 и 13% соответственно. Остальные затруднились с оценкой. Около 69% опрошенных видят главную задачу правительства в стимулировании производства, а 15% — в замедлении инфляции.

Продолжительность кризиса

Около 3% руководителей обследованных предприятий считают, что идет экономический рост. По мнению остальных респондентов, кризис будет продолжаться еще около 6,5 года. Это на 0,6 года больше показателя квартальной давности (5,9 года).

ПРОГНОЗЫ НА ЯНВАРЬ 2023 г.

Цены

Подорожание своей продукции к январю 2023 г. (по сравнению с октябрем 2022 г.) предсказывают 43% респондентов, 50% не ждут изменений, а у 8% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 73, 23 и 5%.

Средний по выборке ожидаемый к январю 2023 г. прирост цен составит 3,5%, в том чис-

ле 3% для производимой и 4% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются представители химической промышленности: их оценки трехмесячного роста «входящих» цен на 4 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежутке от 0 до 3 пунктов. В то же время представители пищевой промышленности ожидают положительного ценового сдвига.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 28%, понижения — 10% и сохранения на прежнем уровне — около 63% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата увеличится на 1%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают около 14% участников опроса, у 65% она не изменится, а у 22% — возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 53% респондентов, рост — 28%, остальные 20% не предвидят особых изменений.

Таблица 1

Отраслевые показатели за октябрь 2022 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Портфель заказов	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	86	93	102	113	64	75
Машиностроение и металлообработка	91	101	63	120	104	93
Химия и нефтехимия	98	98	107	103	35	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	88	98	65	97	-	100
Производство стройматериалов	72	70	43	63	65	100
Легкая промышленность	93	92	108	90	70	100
Пищевая промышленность	91	94	70	91	95	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	89	95	76	105	78	90
АГРОСЕКТОР	97	100	94	96	118	50

* — Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, в %.

Источник: опросы РЭБ.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 28%, не изменится – у 41% и «похудеет» – у 31% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали в пищевой отрасли (50%), в машиностроении (38%) и на предприятиях лесопромышленного комплекса (35%).

Инвестиции

По сообщению 30% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки увеличатся на 6%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 17% предприятий выборки, не изменится – у 6% и у 26% – уменьшится. Остальные – 51% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 10% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 19% предприятий, 30% предполагают его ухудшение и примерно у 51% оно не изменится. (См. табл. 2.)

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В октябре 2022 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 25% производителей потребительских товаров и 11% – инвестиционных. Ощутивших улучшение в первом секторе не оказалось, а во втором их было 21%.

Предполагается, что к январю 2023 г. цены на продаваемую продукцию увеличатся на 5% в секторе потребительских товаров и на 2% – в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководите-

Таблица 2

Отраслевые прогнозы на январь 2023 г., в % (октябрь 2022 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	103	104	100	99	113	12	38	37
Машиностроение и металлообработка	102	104	103	103	113	9	50	54
Химия и нефтехимия	101	105	100	100	65	6	50	50
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	101	104	102	100	113	-	33	49
Производство стройматериалов	101	102	100	95	100	12	25	16
Легкая промышленность	100	103	100	99	100	7	50	50
Пищевая промышленность	109	104	102	102	102	8	62	75
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	103	104	101	100	106	10	44	48
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	-	5	30	41

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (в %), чей показатель к январю 2023 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

лей предприятий, возрастут на 3% как в первом, так и во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В октябре 2022 г. она составила 89% в потребительском и 92% — в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 93% от нормального месячного уровня в первом и 123% — во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 50% предприятий потребительского и 32% инвестиционного сектора, а уменьшения в первом секторе не ожидает никто, а во втором секторе — 42%.

Финансовое положение

Как «плохое» в октябре 2022 г. его оценили 13% производителей потребительского и 5% инвестиционного сектора, как «нормальное» — 63% предприятий в первом секторе и также 63% во втором. В потребительском секторе 25% руководителей оценили финансовое состояние своего предприятия как «хорошее»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 32%.

К январю ожидают улучшения своего финансового состояния 43% производителей потребительского сектора и 17% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 14% в первом секторе и 22% во втором.

СРАВНЕНИЕ ОКТЯБРЯ 2022 г. С ОКТЯБРЕМ 2021 г.

Соотношение цен и издержек

Баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен значительно улучшился: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 26% респондентов, а благоприятный — 2%; в октябре 2022 г. таковых было 20 и 13% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 22%, о снижении — 17% предприятий; ныне — 28 и 13% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в октябре 2021 г. составила 20:7, а в октябре 2022 г. — 21:33.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2021 г. — 34:30, а в 2022 г. — 41:41.

Инвестиции

Немного увеличилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 24% в октябре 2021 г. до 26% ныне.

Кредит

Относительная задолженность предприятий-должников банкам за год снизилась на 13 п.п.: с 91% (от нормального месячного уровня) в октябре 2021 г. до 78% в октябре 2022 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время сократилась на 6 п.п.: с 55% в 2021 г. до 49% ныне.

Портфель заказов

Улучшился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополнившимся портфелем и «похудевшим» составляла 17:24, а ныне — 26:26. Его относительная наполненность за это время увеличилась на 19 п.п.: с 86% в 2021 г. до 105% в 2022 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В лучшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в октябре 2021 г. оно равнялось 20:39, а в октябре 2022 г. — 20:43. При этом относительный объем запасов за год уменьшился на 5 п.п.: с 81% в 2021 г. до 76% в 2022 г.

Диффузные индексы, в %

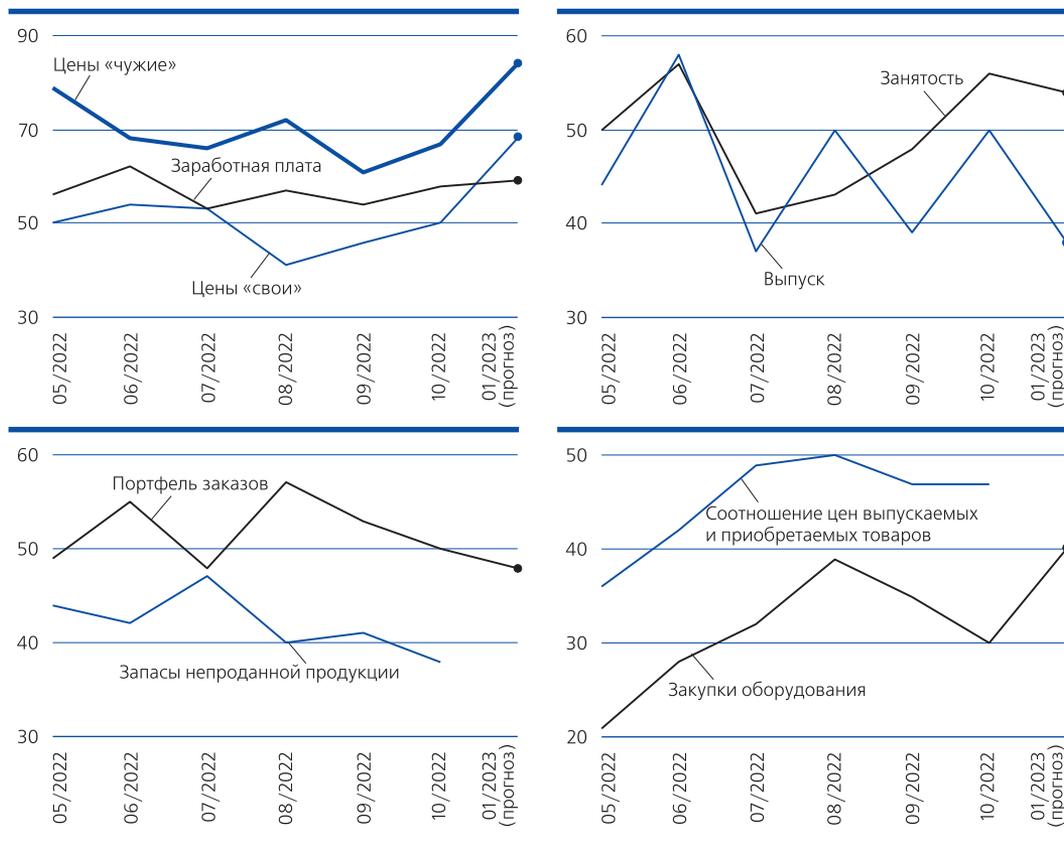

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	05/22	06/22	07/22	08/22	09/22	10/22	01/23 (прогноз)**
Цены «свои»	50	54	53	41	46	50	68
Цены «чужие»	79	68	66	72	61	67	84
Зарплата	56	62	53	57	54	58	59
Занятость	50	57	41	43	48	56	54
Выпуск	44	58	37	50	39	50	38
Портфель заказов	49	55	48	57	53	50	48
Запасы непроданной продукции	44	42	47	40	41	38	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	36	42	49	50	47	47	-
Закупки оборудования	21	28	32	39	35	30	40

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Январь 2023 г. по сравнению с октябрём 2022 г.

Источник: опросы РЭБ.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она заметно увеличилась: с 82% (относительно нормального месячного уровня) в октябре 2021 г. до 89% в октябре 2022 г. При этом доля предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, уменьшилась: с 10% в 2021 г. до 6% в 2022 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, возросла на 14 п.п.: с 46% в 2021 г. до 60% 2022 г.

Загрузка рабочей силы

За год она увеличилась: с 92% (от нормального уровня) в октябре 2021 г. до 95% в октябре 2022 г. В 2021 г. на 4% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий оказалось тоже 4%.

Финансовое положение

Доля финансово благополучных предприятий существенно возросла: с 83% в 2021 г. до 90% в 2022 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен существенно понизился: с +2% в октябре 2021 г. до +1,2% в октябре 2022 г.

В лучшую сторону изменился прогноз по балансу портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 20% и 30% предполагали его сокращение; ныне — соответственно 28 и 31%.

Почти не изменился показатель инвестиционной активности предприятий: год назад около 29% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 30%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 10% предприятий ожидали ее роста, а 20% — сокращения; в октябре 2022 г. эти показатели составили 17 и 26% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 9%, а ухудшения — 22% предприятий; ныне эти показатели составили 19 и 30% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	2	0	-1	-1	11	1
Машиностроение и металлообработка	-1	-3	3	3	19	-1
Химия и нефтехимия	-5	-17	4	2	-35	1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	-1	-4	2	0	13	-
Производство стройматериалов	-3	-6	-2	2	0	0
Легкая промышленность	-4	-8	-2	-1	0	-3
Пищевая промышленность	6	-7	-1	3	-1	-5
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	0	-5	0	1	8	0
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	-	-2

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в октябре 2022 г. и в октябре 2021 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

Survey of Current Business (October 2022 – January 2023)

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Tatyana V. Serzhantova – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: serzhantova@imemo.ru

In October 2022, the level of the capacity utilization rate reached its maximum value for the entire history of observations – 89%. The level of the labor utilization rate was also quite high – 95% – which is in the top three «highs» within 30 years. The level of stocks of unsold finished products, if we take the normal level as 100%, had been declining for the third month in a row and reached in October 2022 a rather low value for itself – 76%. Whereas the level of orders increased by considerable 10 points within month and reached 105% – the highest value since 1991. The share of enterprises in «good» or «normal» financial condition was 90%, which is the best result of this year, and it was higher only once – in December 2018. The share of enterprises that have no debt to banks and are not expected to have one in the next three months reached 51% – the maximum for 2 years.

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation, production restrictive factors.

JEL-codes: D22, D24, G31, L23, P23.

Рынок труда

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

А. Н. ПОКИДА
Н. В. ЗЫБУНОВСКАЯ
И. А. ПОКИДА

В статье приводятся результаты социологических опросов занятого населения, в том числе опроса, проведенного в 2022 г.¹. Цель исследования предусматривала анализ текущих изменений на российском рынке труда, связанных с распространенностью вторичной занятости среди работающего населения и ее влиянием на участие граждан в теневой экономике. В течение последних двадцати лет отмечается снижение вторичной занятости у работников. Как правило, подработки не имеют официального оформления. Вовлеченность работников во вторичную занятость формирует у них более толерантное отношение к различным проявлениям теневой экономической деятельности.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: вторичная занятость, подработка, рынок труда, частная практика, наемные работники, неофициальная занятость.

JEL: J21, J28, J46.

Распространенность вторичной занятости

Невысокий уровень материального положения и неудовлетворенность текущей заработной платой по основной занятости побуждают многих работников к поиску дополнительных источников дохода. Такая вторичная занятость может быть разной по периодичности (постоянная или временная), иметь разный юридический статус (официально оформленная или не оформленная), а также соответствовать или не соответствовать специализации по основной занятости. Распространенность вторичной занятости можно рассматривать как один из показателей, характеризующих стабильность

рынка труда: ее высокая доля свидетельствует о наличии напряженности на нем [2].

В рамках текущего исследования под вторичной занятостью понималась дополнительная работа или доходное занятие работающих граждан в формальном или неформальном секторах экономики при наличии у них основной работы.

Результаты социологического мониторинга, осуществляемого авторским коллективом с 2001 г., позволяют проследить динамику включенности работающего населения во вторичную занятость. (См. рис. 1.)

Полученные за последние два десятилетия эмпирические данные демонстрируют умень-

Покида Андрей Николаевич, директор Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. социол. наук (Москва), e-mail: pokida@ranepa.ru; Зыбуновская Наталья Владимировна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: nzyub@ranepa.ru; Покида Иван Андреевич, аспирант Института общественных наук РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, e-mail: pokidaivan98@gmail.com

¹ Социологический опрос проведен Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС с 16 по 24 мая 2022 г. Были опрошены 1510 человек в возрасте 18 лет и старше в 30 субъектах Российской Федерации по выборке, представляющей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности, соотношение жителей разных типов поселений, социально-демографические и профессиональные группы людей. Метод опроса: личное формализованное интервью по месту работы или жительства респондентов. По отдельным вопросам результаты исследования приводятся в сопоставлении с данными опросов, проведенных ранее по аналогичной методике.

шение распространенности вторичной занятости у работающего населения: если в 2001 г. доля респондентов, которые с различной периодичностью имели дополнительный заработок, составляла 59,4%, то в 2022 г. – только 33,2%. При этом снижение наблюдалось как среди работников, которые подрабатывали постоянно, так и эпизодически.

В исследовании 2022 г. 10,9% опрошенных заявили, что постоянно (не менее одного раза в неделю) подрабатывают дополнительно на основной работе или имеют дополнительную работу (доходное занятие) на стороне, 7,7% делают это довольно часто (несколько раз в месяц), еще 14,6% – от случая к случаю (несколько раз в год).

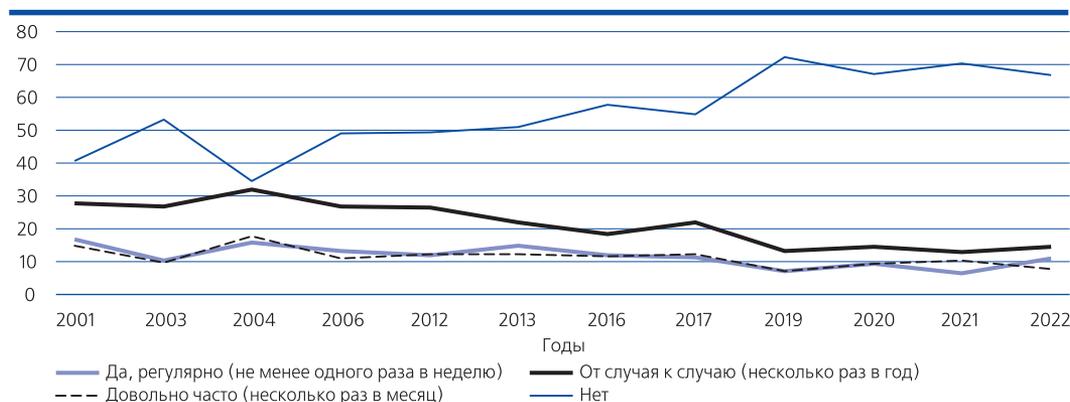
Результаты исследования подтверждают изначально предполагавшийся тезис о том, что включенность работников во вторичную занятость – это скорее вынужденная мера, позволяющая им улучшить свое материальное положение. Выявлена прямая зависимость между снижением оценок работниками своей заработной платы и повышением распространенности вторичной занятости. (См. рис. 2.) Например, среди тех, кто оценивает свою заработную плату на основном рабочем месте

как «очень хорошую», только четвертая часть имеет дополнительную занятость; среди работников с «очень плохими» оценками заработной платы уже каждый второй подрабатывает дополнительно. При этом видно, что у респондентов, не удовлетворенных своей заработной платой, вторичная занятость значительно чаще принимает регулярную (постоянную) форму.

На первоочередность материальных мотивов вторичной занятости неоднократно обращалось внимание исследователями рынка труда, однако отмечалось также наличие «неденежных» мотивов: потребность в самореализации, достижение удовлетворенности работой [1; 6].

В связи с этим можно отметить и следующую зависимость, выявленную в ходе анализа, а именно: среди работников, которые не удовлетворены содержанием труда (основными обязанностями, трудовыми функциями) по основному месту работы, каждый второй имеет дополнительную подработку; у тех же, кто, наоборот, удовлетворен содержанием труда, включенность во вторичную занятость существенно ниже (около 30%). Поэтому можно предположить, что вторичная заня-

Рис. 1. Распространенность вторичной занятости работающего населения в 2001–2022 гг., в % от общего количества опрошенных

Примечание. Формулировка вопроса: «Подрабатываете ли Вы дополнительно на основной работе или имеете дополнительную работу (доходное занятие) на стороне?»

Источник: опросы ИОН РАНХиГС 2001–2022 гг.

тость выступает не только как средство получения дополнительного дохода, но и как способ поиска и реализации своих профессиональных интересов. Не случайно именно в группе работников, имеющих дополнительную занятость, в два раза чаще распространены намерения в ближайшем будущем сменить основную работу по своей инициативе. Наличие подработки в какой-то мере обеспечивает некоторую материальную устойчивость и выступает своего рода страховкой на время поиска нового основного места работы. При этом в случае поиска работы эта группа в большей степени ориентирована на создание собственного дела (индивидуальное предприятие или работа по частным заказам).

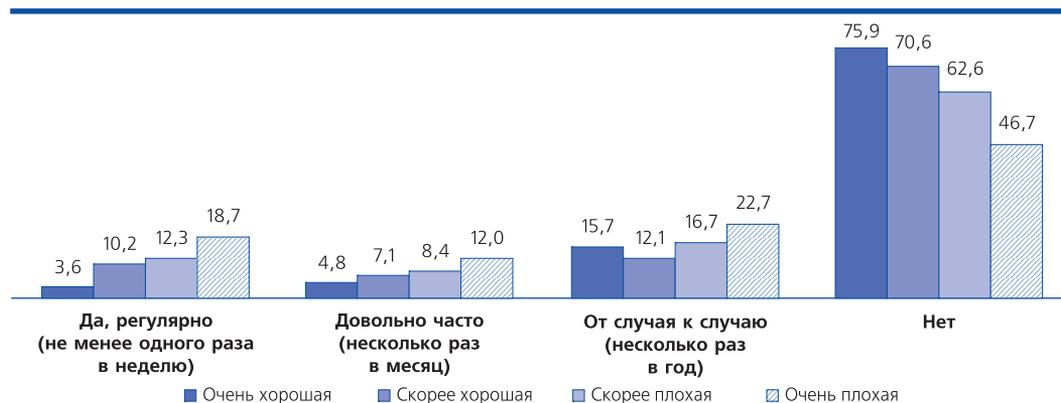
Результаты социологического мониторинга демонстрируют, что каждый второй респондент, работающий дополнительно на основной работе или имеющий дополнительную работу (доходное занятие) на стороне, трудится в качестве наемного работника. (См. рис. 3.) В качестве работника, занятого частной практикой (ИП, самозанятость, фриланс), подрабатывают 44,6% респондентов, имеющих дополнительную занятость. При этом можно отметить, что за последние четыре года увеличилась доля работников, которые подрабатывают наемными работниками (+8,2 п.п.

к 2019 г.), и, соответственно, снизилась доля занятых частной практикой (-9,1 п.п. к 2019 г.).

Важно обратить внимание на следующий момент: специализация по дополнительной занятости не всегда соответствует основной занятости работника. По данным опроса 2019 г., только 2/3 работников, имеющих дополнительную занятость, указали, что их вид деятельности по дополнительной работе соответствует основной занятости, остальные же работники трудятся по другой специальности [3]. Такую ситуацию можно трактовать по-разному: с одной стороны, работнику требуется прикладывать дополнительные усилия по повышению своей квалификации (если это не черновая неквалифицированная работа), с другой стороны, работник получает дополнительную специализацию, новые знания, навыки, опыт, которые позволяют ему более уверенно чувствовать себя на рынке труда.

Проведенный анализ полученных социологических данных позволяет выделить основные группы работников, которые чаще всего включены во вторичную занятость. В первую очередь необходимо обратить внимание на возрастные группы. Молодые работники до 30 лет чаще имеют дополнительную занятость, далее по мере повышения возраста снижается включенность работников в эту форму трудовых отно-

Рис. 2. Распространенность вторичной занятости в зависимости от оценок заработной платы (дохода) по основному месту работы, в % от численности выделенных групп

Источник: опрос ИОН РАНХиГС 2022 г.

шений. Например, в возрастной группе 25–29 лет подрабатывают с различной степенью интенсивности 45,4% респондентов, 30–39 лет – 32,9%, а в группе 50–59 лет – 27,6%.

Городские жители несколько чаще вовлечены во вторичную занятость в отличие от жителей сельских поселений. Однако это не говорит о том, что работники на селе в меньшей степени испытывают необходимость в дополнительных доходах – скорее такая ситуация объясняется отсутствием возможностей или трудностями поиска дополнительных источников дохода в сельских территориях.

Наличие дополнительной работы значимо коррелирует с режимом работы работников по основной деятельности. Граждане, имеющие возможность работать в полностью удаленном (работают из дома) или комбинированном (часть времени работают удаленно, из дома, часть в офисе, на предприятии) режиме работы, чаще указывают на имеющуюся дополнительную занятость. (См. рис. 4.) Особенно заметно проявляется эта закономерность в случае регулярности таких подработок. Например, среди респондентов, работающих очно, 16,5% ежемесячно подрабатывают дополнительно (сумма ответов «Да, регуляр-

но» и «Довольно часто»). При удаленном режиме труда имеют ежемесячную дополнительную занятость 25,8% работников, при комбинированном – 30,5%. Это вполне логично, так как более свободный режим работы с возможностью самостоятельной организации рабочего времени позволяет проще интегрировать в него дополнительную занятость.

Чаще всего вторичная занятость распространена среди работников, занятых в сферах строительства, ремонта автотранспортных средств и бытовых изделий, недвижимости, а также здравоохранения, образования и науки. При этом в социальной сфере такая дополнительная занятость чаще является постоянной. Каждый четвертый работник здравоохранения, образования и науки имеет постоянную ежемесячную подработку.

Вторичная занятость и теневого рынка труда

Основной проблемой вторичной занятости является то, что данная работа зачастую не оформляется официально. Ее распространенность с 1990-х годов выступала основным драйвером теневых отношений на отечественном рынке труда [7].

Рис. 3. Распределение работников, имеющих дополнительную занятость (по статусу занятости), в % от количества респондентов, работающих дополнительно на основной работе или имеющих дополнительную работу (доходное занятие) на стороне

Примечание. Формулировка вопроса: «Если да, то в каком качестве Вы подрабатываете?»

Источник: опросы ИОН РАНХиГС 2019–2022 гг.

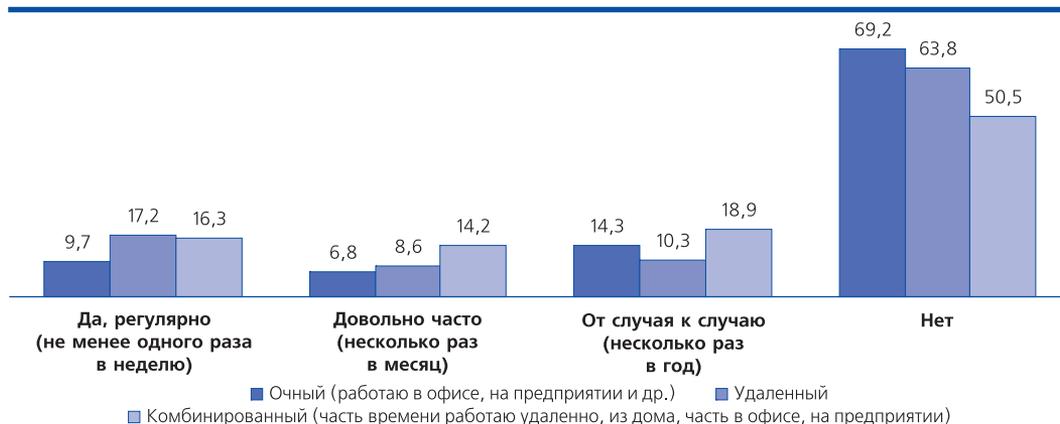
Результаты социологического замера 2022 г. показали, что только 24,3% респондентов, имеющих дополнительную работу (доходное занятие), всегда оформляют ее официальным трудовым соглашением (договором) с работодателем (заказчиком) или уполномоченными органами, 20,7% работников делают это не всегда, а 45,4% никогда не оформляют свою дополнительную деятельность. Такое соотношение ответов респондентов, с небольшими отклонениями, характерно для двух последних десятилетий. (См. рис. 5.) При этом, как правило, чем более эпизодический характер имеет дополнительная занятость, тем чаще работники предпочитают игнорировать правовые нормы трудового законодательства и не оформляют свои трудовые отношения с работодателями или уполномоченными органами. Схожие данные были получены социологами РГГУ в 2018 г., согласно которым практически половина (49,6%) работающих граждан постоянно или эпизодически имеет источники дополнительного заработка, при этом 41,1% из них получают оплату труда «в конверте» [5, с. 286].

Данные показывают, что инициатором неформальных отношений во вторичной занятости выступает не работодатель, который не

хочет оформлять специалиста на работу (14,6%), но это желание скорее самих работников (27,5%) или же обоюдное решение работника и работодателя (37,5%). В связи с этим не случайно, что для данной группы занятых значимость наличия официальной работы менее выражена. Например, среди работников, имеющих дополнительную занятость, на этот факт обращают внимание 58,2%; среди работников, не включенных во вторичную занятость, — 68,9%.

В целом вовлеченность работников во вторичную занятость формирует у них более толерантное отношение к различным проявлениям теневой экономической деятельности. В этой группе опрошенных чаще положительно относятся к тому, что люди выполняют строительные, ремонтные, репетиторские или другие работы и услуги, получая за это деньги из рук в руки, минуя кассу, — 68,3%; при отсутствии дополнительного заработка — 54,7%. Работники, имеющие подработку, чаще считают допустимым, когда полностью или частично уклоняются от уплаты налогов люди, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью (самозанятые), — 56,1%; среди не имеющих дополнительного дохода доля респондентов с такой позицией ниже — 39,8%.

Рис. 4. Распространенность вторичной занятости в зависимости от режима работы респондентов по основному месту работы, в % от численности выделенных групп

Источник: опрос ИОН РАНХиГС 2022 г.

Как уже отмечалось выше, каждый второй работник, имеющий дополнительный доход, получает его в качестве специалиста, занятого частной практикой (ИП, самозанятость, фриланс). В целях легализации деятельности таких граждан с 2019 г. функционирует новый налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) для физических лиц. Исследование показало, что несколько меньший интерес к НПД проявляют занятые частной практикой по дополнительной работе в отличие от их коллег, предпочитающих частную профессиональную деятельность в качестве основной. (См. рис. 6.) (Подобная различная востребованность отмечалась и в ранее проведенных исследованиях [4].) Так, по текущим данным, в первой группе занятых уже воспользовались новым налоговым режимом только 16,0% респондентов (+10,7 п.п. к 2021 г.), во второй – 39,9% (+11,6 п.п. к 2021 г.).

Меньший интерес к НПД среди занятых частной практикой по дополнительной работе вызван отсутствием регулярности подработок. Многие работники, которые прибегают к этой форме занятости время от времени, не видят

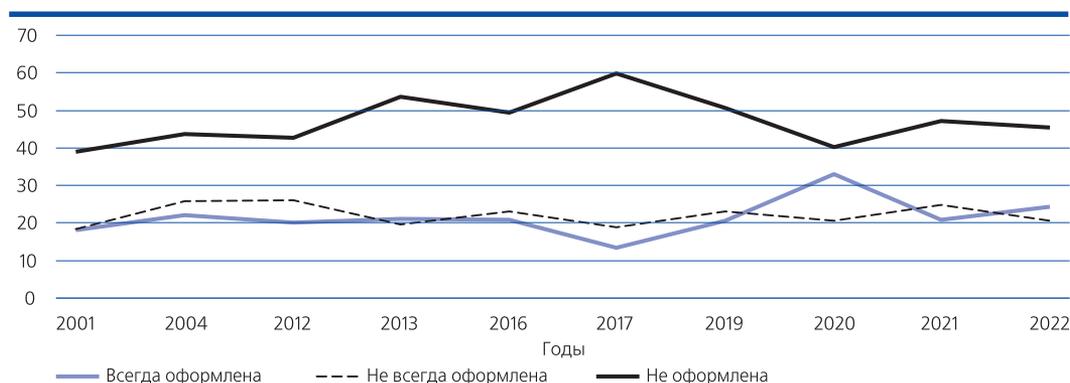
для себя смысла в ее официальном оформлении (в использовании НПД). Такую ситуацию демонстрируют следующие данные: среди респондентов, регулярно занимающихся частной практикой дополнительно, 23,9% используют НПД, от случая к случаю – только 11,9%. Кроме того, зачастую у работников уже имеется официальная основная занятость, которая позволяет им рассчитывать на социальные гарантии, поэтому в случае усиления каких-либо ограничительных мер, например штрафных санкций, они скорее откажутся от дополнительной деятельности, чем легализуют ее, тем более если она носит эпизодический характер.

Основные выводы

За последние два десятилетия эмпирические данные демонстрируют уменьшение распространенности вторичной занятости у работающего населения.

В настоящее время 33,2% занятых россиян с различной периодичностью имеют дополнительный заработок, из них 10,9% подрабатывают постоянно (не менее одного раза в неделю).

Рис. 5. Юридический статус дополнительной занятости, в % от количества респондентов, работающих дополнительно на основной работе, имеющих доходное занятие или работающих на стороне

Примечание. Формулировка вопроса: «Если Вы подрабатываете где-то по найму или занимаетесь индивидуальным частным предпринимательством (самостоятельной занятостью), оформлена или нет дополнительная работа официально трудовым соглашением (договором) с работодателем (заказчиком) или уполномоченными органами?»

Источник: опросы ИОН РАНХиГС 2001–2022 гг.

Специализация по дополнительной занятости не всегда соответствует основной занятости работника. Только 2/3 работников, имеющих дополнительную занятость, указали, что их вид деятельности по дополнительной работе соответствует основной занятости, остальные трудятся по другой специальности.

Практически каждый второй респондент, работающий дополнительно на основной работе или имеющий дополнительную работу (доходное занятие) на стороне, трудится в качестве работника, занятого частной практикой (ИП, самозанятость, фриланс).

Чаще вовлечены в дополнительную занятость молодые работники до 30 лет, городские жители, работники, которые трудятся в удаленном или комбинированном режиме по основной занятости.

Вторичная занятость часто сопровождается трудовой деятельностью без официального оформления. По данным за 2022 г., только 24,3% респондентов, имеющих дополнительную работу (доходное занятие), всегда оформляют ее официальным трудовым соглашением (договором), остальные работники

предпочитают не оформлять свою дополнительную деятельность официально.

Наличие работы с официальным оформлением для респондентов, включенных во вторичную занятость, менее значимо, чем для граждан, не работающих дополнительно. При наличии подработок чаще фиксируется более терпимое отношение к различным проявлениям теневой экономической деятельности.

Работников, занятых частной практикой по дополнительной работе, несколько реже привлекает новый специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в отличие от их коллег, для которых частная практика выступает основным и единственным способом получения дохода.

В целом можно отметить, что, с одной стороны, распространенность дополнительной занятости среди работников — это скорее вынужденная мера, позволяющая им улучшить свое материальное положение, с другой стороны, вторичная занятость может выступать способом поиска и реализации профессиональных интересов и в какой-то мере начальным этапом для развития своего собственного дела. ■

Рис. 6. Привлекательность нового налогового режима «Налог на профессиональный доход» для граждан, занятых частной практикой, в %

Источник: опросы ИОН РАНХиГС 2019, 2021 и 2022 гг.

Литература

1. Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7
2. Перова М.Б. Динамика и факторы вторичной занятости населения // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 74–79.
3. Покида А., Зыбуновская Н. Особенности деятельности самозанятых граждан на современном рынке труда (5 мая 2020 г.). SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3692278
4. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Газиева И.А. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 1. С. 56–63.
5. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Изд-во «Весь Мир», 2021.
6. Рощин С.Ю., Разумова Т.О. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. М.: EERC, 2002.
7. Рывкина Р.В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

References

1. Kuchenkova A.V. Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market // Sociological Studies. 2019. No. 9. Pp. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7
2. Perova M.B. Dynamics and factors of secondary employment of population // Society and Power. 2016. No. 6 (62). Pp. 74–79.
3. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Features of the Activities of Self-Employed Citizens in the Modern Labor Market (May 5, 2020). SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3692278
4. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Gazieva I.A. Development of Self-Employment in the Modern Labor Market // Russian Economic Development. 2022. Vol. 29. No. 1. Pp. 56–63.
5. Precarious employment: origins, criteria, features / ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2021.
6. Roshchin S.Y., Razumova T.O. Secondary Employment in Russia: Labor Supply Modeling. Moscow: EERC, 2002.
7. Ryvkina R.V. Sociology of Russian reforms: Social consequences of economic changes. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2004.

Secondary Employment of the Working Population in the Modern Labor Market

Andrey N. Pokida – Director of Center for Social and Political Monitoring of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Sociological Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pokida@ranepa.ru

Natalia V. Zybunovskaya – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: nzyb@ranepa.ru

Ivan A. Pokida – Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: pokidaivan98@gmail.com

The article presents the results of a sociological survey of the employed population, conducted in 2022. The purpose of the study was to analyze current changes in the Russian labor market related to the prevalence of secondary employment among the working population and its impact on their social well-being. Over the past twenty years, there has been a decrease in the prevalence of secondary employment among workers. Secondary employment is often accompanied by labor activity without official registration.

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Key words: secondary employment, moonlighting, labor market, private practice, employees, informal employment.

JEL-codes: J21, J28, J46.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru>

Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник отдела – Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karyasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru>

E-mail address: EDR-journal@iep.ru

Founder: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor). Registration Certificate PI № FS77-46259 from 17.08.11

Publishing Department: Head of Department – Nina Glavatskaya, phone: +7 (495) 629-43-21